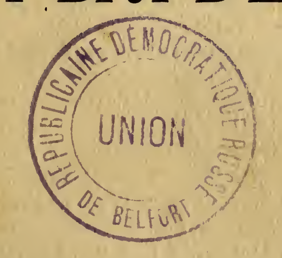
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА

Изданіе Э. Л. Каспровича
въ Лейпцигѣ 1875 г.

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. M. B. H.

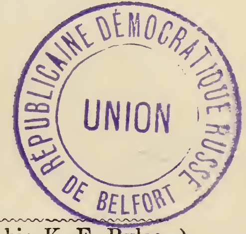
Изданія бывшаго издательства
Э. Л. КАСПРОВИЧА въ ЛЕЙПЦИГѢ:

	М. пф.
Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1865 г. Разсказъ одного изъ сосланныхъ (1875)	1 50
Воспоминанія княгини Е. Р. Дашковой (1876) . . .	4 —
Записки Екатерины II, императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго (1876)	5 —
Записки генерала Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя (1902) . .	2 —
Записки князя Трубецкаго (1874)	1 50
Записки Ивана Дмитріевича Якушкина (1874) . . .	2 —
Историческіе документы изъ времень царствованія Александра I (1880)	2 50
Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ ихъ значеніи. Составилъ Липранди (1883)	1 —
Матеріалы для біографіи княгини Е. Р. Дашковой (1876)	2 —
Матеріалы для біографіи императора Павла I (1874)	1 50
Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина и письма его къ Рылѣеву, Бестужеву и другимъ (1875)	1 50
Матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева (1875) . . .	1 50
Матеріалы для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова (1880)	1 50
Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II (1902)	2 50
Матеріалы для исторіи царствованія императора Николая Павловича (1880)	3 —
Новгородское возмущеніе въ 1831 г. Записки полковника Панаева, временнаго начальника возмущенія (1874)	1 —
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Дениса Васильевича Давыдова, непропущенныя цензурою въ Россіи (1906)	3 —
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Данилевскаго (1875)	1 —
О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Сочиненіе князя М. Щербатова (1876)	1 50
О раскольникахъ при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II. Пополнено запискою Мельникова (1882)	1 50
Объ аристократіи, въ особенности русской. Письмо изъ Россіи (1874)	1 —

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

(Materialien zur Biographie K. F. Ryleew)

ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. Каспровичъ. | LEIPZIG: E. L. Kasprowicz.
1875.

ПАМЯТИ РЫЛѢЕВА.

Въ святой тиши воспоминаній
Храню я бережно года
Горячихъ первыхъ упованій,
Начальной жажды дѣлъ и званій,
Попытокъ перваго труда.
Мы были отроки. Въ то время
Шло стройной поступью бойцовъ —
Могучихъ дѣятелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умовъ.

Вездѣ шепталися. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ,
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ.
Бунтъ, вспыхнувъ, замеръ. Казнь проснулась.
Вотъ пять повѣшенныхъ людей ...
Въ насъ сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означенъ жизни всей.

Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ . .
Отецъ! по духѣ мнѣ родной —
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
И путеводною звѣздой!
Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья.
И въ первый русскій вольный день,
Въ виду младаго поклоненья
Твою страдальческую тѣнь.

Взойдетъ гроза на небосклонѣ —
И волны на берегъ съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погони
И слягутъ бронзовые кони
И Николая и Петра;
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободной
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года.

Н. Огаревъ.

I.

ВОСПОМИНАНІЕ О КОНДРАТЬѢ ѲЕОДОРОВИЧѢ РЫЛѢЕВѢ.

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужь обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благославляю!

Когда Рылѣевъ писалъ Исповѣдь Наливайки, у него жилъ больной братъ мой, Михаилъ Бестужевъ. Однажды онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ; Рылѣевъ работалъ въ кабинетѣ и оканчивалъ эти стихи. Дописавъ, онъ принесъ ихъ брату и прочелъ. Пророческій духъ отрывка невольно поразилъ Михаила.

— Знаешь ли, сказалъ онъ, какое предсказаніе написалъ ты самому себѣ и намъ съ тобою? Ты, какъ будто, хочешь указать на будущій свой жребій въ этихъ стихахъ?

— Нежели ты думаешь, что я сомнѣвался хоть минуту въ своемъ назначеніи, сказалъ Рылѣевъ: — Вѣрь мнѣ, что каждый день убѣждаетъ меня въ необходимости моихъ дѣйствій, въ будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости примѣра для пробужденія спящихъ Россіянъ.

Почти въ каждомъ сочиненіи Рылѣева выливается изъ его души подобное предвѣщаніе. Мысль быть орудіемъ, или жертвою начатковъ свободы наполняла все его существованіе, составляла единственную цѣль его жизни. Освобожденіе отечества, или мученичество за свободу для примѣра будущихъ поколѣній, было ежеминутнымъ его помышленіемъ; это самоотверженіе не было вдохновеніемъ одной минуты, подобно рѣшимости древняго Курція или новѣйшаго Винкельрида, но постоянно возрастало вмѣстѣ съ любовью къ отечеству, которая наконецъ-перешла въ страсть, въ высокое, восторженное чувствованіе.

Онъ не скрывалъ своихъ предчувствій отъ

друзей и родныхъ. Я былъ свидѣтелемъ прощанья съ матерью, нѣжно его любившею и отъѣзжавшею въ деревню. Она была очень грустна; ее тревожила мысль, что не увидитъ болѣе сына, котораго, казалось ей, оставляетъ обреченнаго на какую то гибельную судьбу. Со всею материнскою нѣжностью просила, чтобы онъ далъ ей спокойно закрыть глаза; что она хочетъ видѣть его счастливымъ и желаетъ умереть съ тою же мыслью, что онъ останется счастливъ и послѣ нея.

— Побереги себя, говорила она: — ты неостороженъ въ словахъ и поступкахъ; правительство подозрительно; шпіоны его вездѣ послушиваютъ, а ты какъ будто поставляешь славою вызывать ихъ вниманіе.

— Вы напрасно думаете, любезная матушка — отвѣчалъ Рылѣевъ — что я вездѣ таковъ же, какъ передъ вами; моя цѣль выше того, чтобъ только дразнить правительство и доставлять работу его наемникамъ. Напротивъ, я скрытенъ съ чужими; мнѣ надобно, чтобы меня оставляли спокойно дѣйствовать. Если же я откровенно говорю съ друзьями — мы работаемъ вмѣстѣ; ежели я не скрываюсь отъ васъ — это отъ того, что вы болѣе или менѣе раздѣляете мои чувствованія.

— Милой Кондратій, эта откровенность и убиваетъ меня; она и показываетъ, что у тебя есть важные замыслы, которое ведутъ за собою важныя послѣдствія. Съ городстью предвижу, что ты вызываешься умереть не своею смертью. Зачѣмъ ты открываешь эту ужасную тайну матери? —

Глаза ея были полны слезъ, когда она говорила послѣднія слова.

— Онъ не любитъ меня — сказала она, обратясь ко мнѣ и взявъ меня за руку: — Вы, другъ его, пользуетесь его расположеніемъ: убѣдите его; можетъ быть онъ вамъ повѣритъ, что онъ убьетъ меня, ежели съ нимъ что нибудь случится... Конечно Богъ воленъ взять его у меня каждую минуту... но накликать бѣду самому... Она не могла продолжать. Я говорилъ къ ея успокоенію, что могъ только придумать. Она слушала и качала головою съ недовѣрчивостію. Рылѣевъ взялъ ее за другую руку и началъ:

— Матушка, до сихъ поръ я видѣлъ что вы говорили только объ образѣ моихъ мыслей — и не таилъ ихъ отъ васъ; но не хотѣлъ тревожить, открываясь въ цѣли всей моей жизни, всѣхъ моихъ помышленій. Теперь, вижу, вы угадываете,

чего я ищу, чего хочу... Мнѣ должно сказать вамъ, что я членъ тайнаго общества, которое хочетъ испровержeнія деспотизма, счастья Россіи и свободы всѣхъ ея дѣтей...

Мать Рылѣева поблѣднѣла; рука ея охолодѣла въ моей; онъ продолжалъ:

— Не пугайтесь, милая матушка, выслушайте — и вы успокоитесь. Да, намѣреніе наше страшно для того, кто смотритъ на него со стороны и, не вникая въ него, не видя прекрасной его цѣли, примѣчаетъ одни только ужасы, грозящіе каждому изъ насъ; но вы мнѣ мать, вы можете, вы должны ближе разсматривать своего сына. Ежели вы отдали меня въ военную службу, на жертву всѣмъ ея трудностямъ, опасностямъ, самой смерти, могшей меня постичь на каждомъ шагу, для чего вы жертвовали мною? Вы хотѣли, чтобъ я служилъ отечеству, чтобъ я исполнилъ долгъ мой, а между тѣмъ материнское сердце, раздѣляясь между страхомъ и надеждою, въ тайнѣ желало, чтобы я отличался, возвышался между другими. Могъ ли я искать того и другого, не встрѣчая безпрестанно смерти? Нѣтъ; но вы тогда столько не боялись, какъ теперь. Неужели отличія могли уменьшить страхъ вашей потери? Ежели нѣтъ, то я скажу вамъ, для чего вы можете достойнѣе пожертво-

вать мною. Я служилъ отечеству, пока оно нуждалось въ службѣ своихъ гражданъ, и не хотѣлъ продолжать ее, когда увидѣлъ, что буду служить только для прихотей самовластнаго деспота. Я желалъ лучше служить человѣчеству, избралъ званіе судьи и вы благословили меня. Что меня ожидало въ военной службѣ? Можетъ быть военная слава, можетъ быть безвѣстная смерть: но въ наше время свѣтъ уже утомился отъ военныхъ подвиговъ и славы героевъ, пріобрѣтаемой не за благородное дѣло помощи страждущему человѣчеству, но для его угнетенія. Суворовъ былъ великой полководецъ, но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для искорененія разцвѣтавшей свободы Европы. Долженъ ли былъ я, получивъ эти понятія, оставаться въ военной службѣ? Нѣтъ, матушка, нынѣ наступилъ вѣкъ гражданскаго мужества; я чувствую, что мое призваніе выше; я буду лить кровь свою, но за свободу отечества, за счастье соотчичей, для исторженія изъ рукъ самовластія желѣзнаго скипетра, для пріобрѣтенія законныхъ правъ угнетенному человѣчеству — вотъ будутъ мои дѣла. Если я успѣю, вы не можете сомнѣваться въ наградѣ за нихъ: счастье

Россіянъ будетъ лучшімъ для меня отличіемъ. Если же паду въ борьбѣ законнаго права со властью, ежели современики не будутъ умѣть понять и оцѣнить меня — вы будете знать чистоту и святость моихъ намѣреній. Можетъ быть потомство отдастъ мнѣ справедливость, а исторія запишетъ имя мое вмѣстѣ съ именами великихъ людей, погибшихъ за человѣчество. Въ ней имя Брута стоитъ выше Цезарева — итакъ благословите меня! —

Я никогда не видѣлъ Рылѣева столь краснорѣчивымъ. Глаза его сверкали; лицо горѣло какимъ то необыкновеннымъ румянцемъ. Мать его, которей онъ сообщилъ свой энтузіазмъ, улыбалась; но слезы ея не переставали катиться. Она наклонила его голову, благословила; горесть и чувство внутренняго удовольствія смѣшивались на лицѣ ея; наконецъ первая взяла верхъ — она залилась слезами и сказала:

— Все такъ, но я не переживу тебя! —

Все дѣйствія жизни Рылѣева ознаменованы были печатью любви къ отечеству; она проявлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностью къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ и наконецъ развернулась совершенно въ желаніи ему свободы. Въ "Думахъ"

его мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ туже любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины; показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія; что сіи примѣры могутъ равнять ее съ великими образцами древности. Въ сатирѣ на временщика открывается все презрѣніе къ почестямъ и власти человѣка, который прихотямъ деспота жертвуетъ счастіемъ своихъ согражданъ. Въ томъ положеніи, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени, силы и власти, какъ Аракчеевъ, не имѣя другаго опредѣленнаго званія, кромѣ принятаго имъ титула вѣрнаго царскаго слуги. Этотъ приближенный вельможа, подъ личиною скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Гдѣ деспотизмъ управляетъ, тамъ утѣсненія — законъ;

малые угнетаются средними, средніе большими, сіи еще высшими; но надъ тѣми и другими притѣснеными была одна гроза: временщикъ.

Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ — и на вѣчно изчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей.

Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпененія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которое внимали ему: но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо; оковы оцѣпененія мало по малу расторглись и

глухой шопотъ одобреній былъ наградою юнаго, правдиваго поэта. Это былъ первый ударъ, нанесенный Рылѣевымъ самовластію. Многіе не видятъ нравственныхъ послѣдствій его сатиры: но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный.

Съ этого стихотворенія началось политическое поприще Рылѣева. Пылкость юношеской души, порывъ благороднаго негодованія и меткіе удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сопернику, обратили общее вниманіе.

Уже въ Россіи начинали чувствовать тягость деспотизма, видѣть бѣдствія угнетающія отечество, и помышлять о средствахъ для введенія новаго, лучшаго порядка вещей.

Тайное общество, составленное изъ нѣсколькихъ друзей человѣчества, существовало, и Рылѣвъ взысканный общимъ уваженіемъ за свои заслуги предъ человѣчествомъ, увѣнчанный заслуженными похвалами за поэтическія дарованія, съ полною довѣренностію къ его характеру и мнѣніямъ, былъ принятъ въ это общество. Здѣсь порывы его души, болѣзнь сердца о несчастьяхъ родины и неясныя понятія о желаніи лушаго по-

лучили надлежащее направленіе. Отсюда мы видимъ уже въ немъ новый порядокъ идей, другія дѣйствія, иные поступки. Пылкой юноша созрѣлъ постояннымъ и осторожнымъ мужемъ; раздраженный смѣльчакъ перемѣнился въ скрытнаго и предпріимчиваго заговорщика; дерзновенный поэтъ — въ обдуманнаго стихотворца, который уже гремѣлъ проклятіями на площадяхъ противу эфемерныхъ любимцевъ, но въ сочиненіяхъ своихъ желалъ направлять умы соотчичей къ единственной цѣли, къ благородной свободѣ народовъ.

Служивъ въ артиллерjи, женясъ и взявъ отставку, онъ жилъ въ своей деревнѣ. Его качества заставили сосѣдей избрать его засѣдателемъ въ уголовный судъ по Петербургской губерніи.

Состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины — сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію, схваченъ былъ какой то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ: но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается.

Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ, отъ страха суда, скажетъ ему истину, но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.

— Какую же милость оказалъ я тебѣ? спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ мѣщанинъ: — и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ; знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ! —

Это происшествіе, болѣе всѣхъ похвалъ, даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка. Я не скажу ничего о извѣстномъ дѣлу Разумовскихъ крестьянъ: мнѣніе Рылѣева о сихъ несчастныхъ было написано съ силою чувствованій, защищавшихъ невинное дѣло. Императоръ, вельможи, власти, судьи, угождающіе силѣ — все было противъ, одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ; и это его мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памят-

никомъ истины, свидѣтелемъ съ какою смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду.

Кромѣ высокихъ чувствованій любви къ отечеству и истинѣ, душа его и сердце были доступны всякому благородному впечатлѣнію. Любовь и дружба сопутствовали ему на всемъ поприщѣ жизни. Я былъ свидѣтелемъ ето домашняго быта, много разъ слышалъ, какъ онъ повторялъ мнѣ о своемъ счастьѣ, пересчитывалъ качества своей супруги и описывалъ любовь свою къ ней. Здѣсь я считаю священнымъ долгомъ сказать то, что̀ я знаю о его привязанности къ супругѣ и семейству, потому что были люди, которые сомнѣвались въ его къ ней вѣрности, подозрѣвали, что онъ оставлялъ ее для другихъ, потому что я нѣсколько разъ долженъ былъ защищать его публично; но тогда я не могъ сего сдѣлать, такъ какъ могу теперь. Онъ былъ живъ, съ меня взято было обѣщаніе не говорить ничего, могшаго служить въ его оправданіе. Поступки его въ отношеніи къ супругѣ могли казаться двусмысленными и не могли быть объяснены, но теперь, когда смерть запечатѣла его уста, мои должны говорить.

Свѣтскія отношенія и связи теперь прерваны: я могу говорить, какъ изъ за предѣловъ гроба.

Нѣсколько разъ случалось, что меня, какъ коротко знакомаго Рылѣеву, спрашивали въ обществѣ, любитъ ли онъ свою жену? — и на мой утвердительный отвѣтъ всегда показывали сомнѣніе, всегда говорили, что онъ не живетъ дома, что онъ часы своихъ досуговъ посвящаетъ не супругѣ а другимъ. Въ другимъ мѣстахъ говорили яснѣе, называя по имени ту женщину, о которой предполагали, что она завладѣла его сердцемъ.

Такія обвиненія повторялись часто, и доказывали, что клевета успѣла пустить свои отрасли. Я защищалъ его какъ умѣлъ, потому что не могъ тогда оправдать ни его частыхъ отсутствій изъ дома, ни его ложной невѣрности. Противъ перваго обвиненія теперь достаточно ежели скажу, что въ послѣдніе два года своей жизни Рылѣевъ, котораго единственная цѣль, одно помышленіе былъ переворотъ, долженъ былъ дѣйствовать для тайнаго общества. Онъ обязанъ былъ многихъ посѣщать, совѣщаться со многими членами. Мысль о перемѣнѣ въ отечествѣ не оставляла его ни на минуту, не давала ему покою ни днемъ, ни ночью. Для нея забывалъ онъ собственное семейное счастье. Часто ему нельзя было явно дѣлать своихъ посѣщеній: тайна оныхъ распространи-

лась, но чужое любопытство не постигло ее, а клевета дала ей другое направленіе.

Вотъ что и долженъ сказать о другомъ обвиненіи: при всей моей короткости, я не былъ другомъ Рылѣева; дружбою и довѣренностью его пользовался братъ мой Александръ; но когда съ нимъ случались обстоятельства, требовавшія холоднаго размышленія, онъ всегда прибѣгалъ ко мнѣ; въ этомъ случаѣ онъ дѣлать мнѣ честь предпочтенія, не довѣряя, какъ говорилъ онъ, ни собственной пылкости, ни Александровой опрометчивости. Я нѣсколько разъ говорилъ ему объ оскорбительныхъ подозрѣніяхъ, о слухахъ въ обществѣ, которые носились на его счетъ и нѣсколько разъ получалъ въ отвѣтъ просьбу: повременить объясненіемъ и не стараться защищать его, потому что онъ не признаетъ другихъ судей, кромѣ своей совѣсти, которая не упрекаетъ его ни въ чемъ. И такъ я съ нимъ молчалъ, но не переставалъ защищать его сколько было моихъ силъ и способностей.

Однажды я написалъ повѣсть, въ которой изобразилъ мученія влюбленнаго человѣка, томленіе страсти, отчаяніе нераздѣленной любви — и изобразилъ это довольно живо. На счетъ литературныхъ занятій, Рылѣевъ и мы съ братомъ состав-

вляли нѣчто цѣлое. Ни одинъ изъ насъ не дѣлалъ плана, не кончилъ сочиненія не показавъ другому. При первомъ моемъ свиданіи съ Рылѣевымъ, онъ спросилъ меня, кончилъ ли я начатую мною повѣсть, и на утвердительный мой отвѣтъ просилъ ее прочесть. Я началъ съ описанія веселыхъ происшествій, перешелъ къ завязкѣ, принимая мало по малу выраженіе грусти, которую хотѣлъ изобразить; дошелъ до того мѣста, гдѣ любовь, гдѣ совѣсть, раздѣляя сердце героя повѣсти, лишаютъ его совершенно спокойствія, ведутъ его постепенно къ отчаянію; наконецъ, когда дошелъ до описанія всѣхъ ужасовъ безсонницы, самозабвенія и покушенія на самоубійство, Рылѣевъ вдругъ остановилъ меня.

— Довольно, довольно! вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что слезы катились у него градомъ. Это меня удивило, хотя я и зналъ его чувствительность. Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ слезы выступали у него при разсказѣ о благородномъ поступкѣ, при высокой мысли, даже при чтеніи какой нибудь хорошо-написанной повѣсти; но это внутреннее движеніе, слишкомъ было сильно для обыкновеннаго впечатлѣнія.

— Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ я.

— Дай мнѣ оправиться и я тебя разскажу все, отвѣчалъ онъ; всталъ и, послѣ нѣсколькихъ оборотовъ по комнатѣ, снова сѣлъ подлѣ меня и началъ:

— Ты спрашивалъ меня о причинѣ моего поведенія, которымъ меня упрекаютъ въ свѣтѣ: теперь я долженъ тебѣ объяснить это. Нѣсколько времени тому назадъ пріѣхала сюда въ Петербургъ г-жа К. по важному уголовному дѣлу о ея мужѣ. Нѣсколько человѣкъ моихъ знакомыхъ, многіе важные люди просили меня заняться этимъ дѣломъ, уговаривали познакомиться съ нею. За первое я взялся по обязанности; втораго старался всячески избѣжать, потому что не люблю знакомиться съ тѣми, чьи дѣла на моихъ рукахъ, и по свойственной мнѣ неловкости и застѣнчивости съ женщинами. Но я къ тому былъ вынужденъ, какъ усиленными просьбами, такъ и необходимостью узнать нѣкоторыя обстоятельства лично, потому что дѣло тянулось давно, было спутано низшими инстанціями и бумагъ было очень много, писанныхъ на польскомъ языкѣ, мнѣ не совершенно знакомомъ. Однимъ словомъ, меня привезли къ ней. Я увидѣлъ женщину во всемъ блескѣ молодости и красоты, ловкую, умную, со всѣми очарованіями слезъ и пламеннаго красно-

рѣчія, вдыхаемаго ея несчастнымъ положеніемъ. Мое обыкновенное замѣшательство увеличилось еще болѣе неожиданностью моихъ впечатлѣній, видя въ первый разъ въ жизни столько привлекательнаго въ этой необыкновенной женщинѣ. Однако же, послѣ перваго посѣщенія, я не унесъ съ собою никакого посторонняго чувствованія, кромѣ сильнаго желанія ей помочь, ежели это можно. Въ послѣдовавшихъ за симъ свиданіяхъ слезы прекрасной моей кліентки мало-помалу осушились; но мѣсто ихъ заступила заманчивая томность, милая разсѣянность, которая перерывалась однимъ только вниманіемъ ко мнѣ. Это вниманіе перешло наконецъ въ угожденіе. Моимъ совѣтомъ она желала руководствоваться; мое мнѣніе было всегда самое справедливое; мой образъ мыслей — самый благородный. Довольно было упомянутъ о какой-нибудь вещи или книгѣ: то и другое являлось у нея на столѣ; сообразно съ моимъ вкусомъ, она читала и восхищалась тѣмъ, что мнѣ нравилось: но все это дѣлалось съ такою деликатностію и осторожностію, съ такою ловкостію противопоставлялись иногда и противорѣчія, что самая бдительная щекотливость не могла тревожиться. Никогда не было прямаго намека въ глаза: все это я слышалъ отъ дру-

гихъ, и всѣ, какъ будто нарочно, старались наперерывъ передавать мнѣ ея слова и мнѣнія на счетъ мой. Я началъ находить удовольствіе въ ея обществѣ; дикость моя по немногу исчезла; я не замѣчалъ за собою, предавался вполнѣ и безъ опасенія тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя эта женщина на меня производила, и, наконецъ, къ стыду моему, я долженъ тебѣ сказать, что сталъ къ ней неравнодушенъ. Вотъ моя повѣсть, вотъ что лежитъ у меня на совѣсти.

Онъ остановился. Я никакъ не ожидалъ этого признанья и съ внутреннимъ безпокойствомъ спросилъ его:

— Но все это можетъ быть съ ея стороны одно только желаніе быть любезною, желаніе, свойственное всѣмъ женщинамъ и въ особенности полькамъ. Можетъ быть и ты слишкомъ строгъ къ себѣ и обманываешься въ своихъ чувствахъ, и желаніе пользоваться обществомъ пріятной женщины принимаешь за другое?

— Нѣтъ. Какъ я ни неопытенъ, но умѣю различать то и другое. Я вижу какимъ огнемъ горятъ ея глаза, когда разговоръ нашъ касается чувствъ; мнѣ нельзя не видѣть, нельзя скрыть отъ самаго себя того предпочтенія, которое она, зная мою застѣнчивость, самыми ловкими оборо-

тами и такъ искусно умѣетъ дать мнѣ передъ другими. Если она одна только со мною, она задумчива, разсѣяна — разговоръ нашъ прерывается — я теряюсь, берусь за шляпу, хочу уйти и одинъ взглядъ ея приковываетъ меня къ стулу. Однимъ словомъ она даетъ мнѣ знать о состояніи своего сердца и конечно давно знаетъ, что происходитъ въ моемъ.

— Все это мнѣ слишкомъ странно и темно, потому что случилось съ тобою. Ты ни хорошъ, ни любезенъ съ женщинами. Твоего поэтическаго дарованія не достаточно для женщины, чтобы влюбиться. Узнавъ тебя короче, вѣрю, что можно полюбить и любить очень; но такая быстрая побѣда надъ свѣтскою женщиною съ перваго раза — невѣроятна. Для этого надобно блестащія, очаровательныя качества. Стихи, добродѣтель, правдивость, прямодушіе любятъ, но не влюбляются въ нихъ — и, если это съ ея стороны кокетство, которымъ она старается закупить своего судью — то...

— Нѣтъ, она не кокетка, прервалъ онъ съ чувствомъ. — Нѣтъ ничего естественнѣе словъ ея, движеній, дѣйствій. Все въ ней такъ просто и такъ мило!...

— И тѣмъ опаснѣе!

Восклицаніе Рылѣева, которымъ онъ прервалъ мои слова, дало мнѣ понятіе о степени его чувствованій. Чтобы вѣрнѣе испытать его, я принялъ обыкновенный веселый видъ и сказалъ ему, улыбаясь:

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь почему ты не воспользовался такими обстоятельствами, такимъ случаемъ, какого многіе или лучше сказать никто не поставилъ бы въ зазоръ совѣсти? . . .

— Боже меня отъ этого сохрани! Оставя то, что я обожаю свою жену и не понимаю, какъ другое чувство могло закрасться въ мое сердце; оставя всѣ нравственныя приличія семейственнаго человѣка, я не сдѣлаю этого какъ честный человѣкъ, потому что не хочу воспользоваться ея слабостію и вовлечь ее въ преступленіе; сверхъ того, не сдѣлаю какъ судья. Ежели дѣло ее справедливо; на совѣсть тою ляжетъ, что я, пользуясь ея несчастнымъ положеніемъ, взялъ такую преступную взятку; ежели не справедливо; мнѣ или надобно будетъ рѣшить его противъ совѣсти или, рѣшивъ его прямодушно, обмануть ея надежды.

— Странный человѣкъ! Чего же ты хочешь? Ты не желаешь пользоваться благосклонностію

женщины, намѣренъ оставаться вѣрнымъ своимъ правиламъ, и продолжаешь свои посѣщенія, тогда-какъ еще одинъ шагъ на этой дорогѣ можетъ разрушить всѣ твои укрѣпленія чести и совѣсти. Ты думаешь, что можешь противиться влеченію склонности и позволяешь читать этой женщинѣ въ твоемъ сердцѣ; хочешь быть вѣренъ женѣ, подвергаясь безпрестанно искушенію. Видно, прибавилъ я, смягчая шутливымъ выраженіемъ суровость упрека, видно, ты за тѣмъ и не велишь пріѣзжать сюда женѣ своей, чтобы продолжить время твоего заблужденія? . . .

— Твой выговоръ жестокъ; но ты имѣешь право такъ думать. Нѣтъ, не для продолженія, ни для свободы моихъ дурачествъ удерживаю въ деревнѣ жену мою, но для того, чтобы не дать ей видѣть моего положенія, не сдѣлать ее свидѣтельницею моихъ страданій, моей борьбы съ совѣстію. Это ее убьетъ. Ты не повѣришь, какія мучительныя часы провожу я иногда; не знаешь до какой степени мучитъ меня безсонница; какъ часто говорю вслухъ съ самимъ собою, вскакивая съ постели, какъ безумный, плачу и страдаю. Вотъ почему повѣсть твоя стрѣлой вошла въ мое сердце: вотъ почему я открылся предъ тобою. —

Мы говорили долго объ этомъ предметѣ. Рылѣевъ сказалъ, что писалъ уже къ женѣ, чтобъ она пріѣхала, обѣщавъ мнѣ, что не скроетъ онъ меня ни малѣйшаго поступка, а я, съ своей стороны, далъ ему слово развѣдать со всѣмъ стараніемъ объ этой женщинѣ.

Съ этой минуты я зналъ всякій день ощущенія Рылѣева. Пріѣхала его жена. Сказалъ ли онъ о своей слабости, сказали-ль ей о томъ другія — это мнѣ неизвѣстно. Знаю, что поведеніе его съ нею было примѣрно, и хотя онъ рѣшился оставить домъ К., но ему не удалось. Казалось, что всѣ были противъ него въ заговорѣ: ему не позволяли исполнить его намѣреніе; если онъ не бывалъ тамъ нѣсколько дней, его брали и насильно туда увозили. Не менѣе того онъ сдѣлался осторожнѣе противъ самаго себя и ни однимъ словомъ, ни однимъ вздохомъ не показывалъ состоянія души своей, которое было еще хуже прежняго, потому что принужденіе давало новую силу чувству.

Быть героемъ, не имѣть недостатковъ и слабостей, не сдѣлать ни одного неосторожняго шага въ жизни — очень славно; но, по моему мнѣнію, человѣкъ съ недостатками и слабостями достоинъ большей похвалы, ежели онъ можетъ владѣть ими.

Въ первомъ случаѣ — я вижу одну только силу, которой нѣтъ препятствій; во второмъ — мнѣ представляется борьба и побѣда: и чѣмъ бой опаснѣе, тѣмъ побѣда славнѣе.

Какъ бы то ни было, такое состояніе дѣлъ продолжалось: я видѣлъ страданіе и силу души достойнаго моего друга; но это не мѣшало ему работать въ пользу тайнаго общества со всею горячностью человѣка, обрекшаго себя на жертву для счастія отечества. Эта обязанность, которую мы на себя возложили, заставляла насъ знакомиться съ такими людьми, собирать такія свѣденія, о которыхъ прежде и не помышляли. Намъ нужно было слѣдить за намѣреніями правительства, открывать его тайны и однажды, при развѣдываніяхъ нашихъ, мы нечаянно узнали, что г-жа К. — была шпіонъ правительства.

Для меня объяснилась вся загадка. Давно уже Рылѣева подозрѣвали, какъ вольнодумца. Его достоинства, вѣсъ между молодыми людьми давали поводъ думать, что мнѣнія его раздѣляются другими. Рылѣевъ не хотѣлъ знакомиться со властями, избѣгалъ всѣхъ большихъ обществъ: обыкновенные средства для него не годились; онъ говорилъ публично то̀, что̀ говорили немногіе тайно; образъ его мыслей былъ извѣстенъ, но

надобно было проникнуть глубже въ его душу и сердце. Можно представить всю силу негодованія пылкаго Рылѣева, когда вѣроломство женщины, которую онъ считалъ образцомъ своего пола, представилось ему въ настоящемъ видѣ. Онъ хотѣлъ въ туже минуту ѣхать къ ней, высказать все презрѣніе къ той ролѣ, которую она приняла съ нимъ, осыпать ее упреками, представить всю подлость ея положенія и оставить ее навсегда. Мы съ братомъ Александромъ успокоили его, и послѣ онъ согласился съ нами, что такой поступокъ всего скорѣе обнаружитъ то, что́ всего менѣе ему надобно было показывать. Такая ссора обнаружила бы слабость его сердца и негодованіе подозрѣваемаго человѣка. Мы положили чтобъ никакъ не показывалъ того, что ему было извѣстно и, напротивъ, старался дать болѣе свободы своему обращенію, чтобы робость, происходившая прежде отъ внутренней борьбы съ собою, не могла быть принята за боязнь человѣка, скрывающаго тайну.

Рылѣевъ сказалъ и сдѣлалъ. Данный урокъ излѣчилъ его отъ слабости и, когда возвращенное спокойствіе позволило ему хладнокровнѣе наблюдать за этой женщиной, онъ ясно увидѣлъ ея намѣренія. По мѣрѣ той, какъ онъ дѣлался сво-

боднѣе и показывалъ ей болѣе вниманія, она болѣе и болѣе устремлялась къ своей цѣли. Томность ея чувствованій замѣнилась выраженіемъ пламенной любви къ отечеству; всѣ ея разговоры клонились къ одному предмету: къ несчастіямъ Россіи, къ деспотизму правительства, къ злоупотребленіямъ довѣренныхъ лицъ, къ надеждамъ свободы народовъ и тому подобнаго. Рылѣевъ могъ бы обмануться сими поступками; его открытое сердце и глубокая душа только и искала себѣ ощущеній. Но онъ былъ предостереженъ, и уже никакія обольщенія не выманили изъ груди тайны, сокровища, которое онъ становилъ дороже всего на свѣтѣ — и обманщина, въ свою очередь, осталась обманутою.

Въ дружбѣ Рылѣевъ былъ чрезвычайно пылокъ. При самомъ простомъ дѣтскомъ обращеніи съ друзьями, въ душѣ его заключались самыя высокія къ нимъ чувствованія. Жертва, даже самопожертвованіе для дружбы ему ничего не стоили; честь друга для него была выше всякихъ соображеній. Ни приличіе, ни разсудокъ не сильны были удержать его при первомъ порывѣ, ежели другъ его былъ обиженъ. Одинъ изъ друзей имѣлъ непріятную исторію, требовалъ удовлетворенія и не получилъ его, искалъ своего

соперника и нигдѣ не могъ встрѣтить. Рылѣевъ былъ счастливѣе: онъ встрѣтилъ его дважды и въ первый разъ, при отказѣ на вызовъ, наплевалъ ему въ лицо; въ другой же разъ забылся до того, что, вырвавъ у своего противника хлыстъ, выстегалъ его публично, но ни тѣмъ ни другимъ не могъ убѣдить его на удовлетвореніе, котораго тотъ хотѣлъ искать въ полиціи.

Всякая несправедливость, ложь, а тѣмъ болѣе клевета находили въ немъ жестокаго противника; въ сихъ случаяхъ никакія уваженія не могли остановить его негодованія. Часто раскаивался онъ, видя, ччо рѣзкою защитою невинности наносилъ болѣе вреда, нежели пользы; но при новомъ случаѣ тѣже явленія, таже неукратимая ненависть противъ несправедливости повторялись. Это была его слабость, которая огорчала его самаго, друзей и приближенныхъ. Я называлъ его мученикомъ правды.

Къ сему присовокуплялся другой еще важнѣйшій недостатокъ. Сердце его слишкомъ было открыто, слишкомъ довѣрчиво. Онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и обманутый не переставалъ вѣрить. Опытность ни къ чему для него не служила.

Онъ все видѣлъ въ радужные очки своей пре-

красной души. Одна только скромность и застѣнчивость спасала его. Если человѣкъ былъ недоволенъ правительствомъ, или злословилъ власти, Рылѣевъ думалъ, что этотъ человѣкъ либералъ и хочетъ блага отечества. Это было причиною многихъ его ошибокъ на политическомъ поприщѣ.

Я упомянулъ о такихъ его слабостяхъ, которыя всякому другому человѣку сдѣлали бы честь; но въ Рылѣевѣ, какъ въ лицѣ политическомъ, они были важнымъ недостаткомъ. Должно ли присовокупить и тò, что онъ слишкомъ мало былъ къ себѣ довѣрчивъ, слишкомъ мало чувствовалъ силу своей души надъ другими?

Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простаго и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все тò, чтò онъ хотѣлъ выразить, точно, какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній; но какъ скоро въ ней загориться огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою ху-

дожника, обнаруживаются сами собою. Истина всегда краснорѣчива — и ея любимецъ, окруженный ея обаяніемъ и ею вдохновенный, часто убѣждалъ въ такихъ предположеніяхъ, которыхъ ни онъ дѣтскимъ лепетаніемъ своимъ не могъ еще объяснить, ни другихъ довольно выразумить: но онъ провидѣлъ ихъ и заставлялъ провидѣть другихъ.

Все, что я зналъ о характерѣ и свойствахъ Рылѣева — я сказалъ. Обратимся къ его поэзіи. Многіе находятъ, что онъ не поэтъ, и что стихи его принадлежатъ болѣе къ области ума, нежели воображенія. У всякаго свой образъ воззрѣнія на предметы. Я согласенъ, что стихи Рылѣева съ механической стороны не могутъ назваться образцовыми; но, чтобы согласиться съ послѣднимъ, должно напередъ сказать, что́ я почитаю поэзіею и потомъ дать свое мнѣніе о твореніяхъ этого человѣка.

По моему, всякой благородный поступокъ, каждая высокая мысль, каждое нѣжное ощущеніе и все, что выходитъ изъ обыкновеннаго ряда нашихъ обыкновенныхъ дѣйствій — есть поэзія. Все, что можетъ трогать сердце, наполнять и возвышать душу — есть поэзія.

Любовь, гнѣвъ, ненависть — суть страсти:

но и религія, но и любовь къ отечеству также страсти, и ежели стихи заставляютъ трепетать ту струну нашего сердца, которую сочинитель намѣревался тронуть, въ такомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ наружный видъ стиховъ — они поэзія. Я пойду далѣе. Часто случается, что вещи простыя сами по себѣ, въ примѣненіи къ случаю и обстоятельствамъ дѣлаются поэтическими; такъ, на примѣръ, извѣстная швейцарская арія горныхъ пастуховъ, не заключающая въ себѣ ничего особенно музыкальнаго и слышимая ежедневно швейцарами въ ихъ родинѣ, не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія; но если тотъ же Швейцаръ слышитъ ее вдалекѣ отъ своего отечества, тогда она становится для него совершенно поэтическою. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ восторга моихъ соотчичей, когда однажды посѣтивъ Гибралтаръ и осматривая исполинскіе подвиги Англичанъ, пробившихъ эту поднебесную гору галлереями во всю ея высоту, мы подъ облаками, на отдаленнѣйшемъ краю Европы, вдали отъ родины, вдругъ услышали голосъ и слова русской пѣсни. Нельзя изъяснить этого чувствованія.

Теперь обратимся къ стихамъ Рылѣева. Единственная мысль, постоянная его идея была — пробудить въ душахъ своихъ соотечественниковъ

чувствованіе любви къ отечеству, зажечь желаніе свободы. Такое намѣреніе уже само по себѣ носитъ отпечатокъ поэзіи, гдѣ бы оно ни было приведено въ исполненіе; но становится совершенно поэтическимъ, когда окруженные шпіонами деспотизма, посреди рабскихъ похвалъ, посреди боязливой лести и трусливаго подобострастія, посреди цѣлой имперіи, стенящей подъ игомъ тяжкаго самоуправства, мы вдругъ внимаемъ голосу поэта, возвѣщающаго намъ высокія истины, впервые нами слышимыя, но знакомыя нашему сердцу. Сама природа влагаетъ въ насъ понятія о свободѣ, и это понятіе, этотъ слухъ сердца такъ вѣрны, что какъ бы ни заглушали ихъ, они отзовутся при первомъ возваніи. Въ чемъ же другомъ заключается поэзія, какъ не въ побужденіи отголоска на пѣсни ея въ нашемъ сердцѣ?

Я говорилъ о мысли, теперь скажу о исполненіи. Вообще Рылѣевъ такъ вездѣ хорошъ, вездѣ высокъ, гдѣ онъ говоритъ отъ чувства; но вообще описанія его слабы, драматическая часть также. Доказательствомъ тому можетъ служить, что многія описанія суть подражанія, а драма часто взята цѣликомъ изъ другихъ авторовъ. Не смотря на это, поэма Войнаровскій, какъ важнѣйшее оконченное сочиненіе, по соображенію и ходу,

стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина, оригинальнаго только въ Цыганахъ, хотя по стихосложенію никакъ не можетъ равняться ни съ самыми слабыми произведеніями сего поэта. Обаяніе Пушкина заключается въ его стихахъ, которые, какъ сказалъ одинъ рецензентъ, катится жемчугомъ по бархату. Достоинство Рылѣева состоитъ въ силѣ чувствованій, въ жарѣ душевномъ. Переведите сочиненія обоихъ поэтовъ на иностранный языкъ и увидите, что Пушкинъ станетъ ниже Рылѣева. Мыслей послѣдняго нельзя утратить въ переводѣ: прелесть слога и очаровательная гармонія стиховъ перваго потеряется. Мнѣ кажется, что Пушкинъ самъ не постигъ примѣненія своего таланта и употребляетъ его не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Онъ ищетъ вѣрныхъ, красивыхъ, разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи ласкающей ухо, и проходитъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли. Даже въ другихъ ему болѣе нравится тоже. Когда Рылѣевъ напечаталъ Войнаровскаго и послалъ Пушкину экземпляръ, прося сказать о немъ свое мнѣніе: Пушкинъ прислалъ ему назадъ со сдѣланными на поляхъ замѣчаніями и противу стиховъ истинно поэтическихъ, истинно прекрасныхъ, какъ, напримѣръ, когда, послѣ разсказа плѣннаго казака,

Мазепа горько улыбнулся.
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся . . .

или когда, Мазепа говоритъ племяннику:

“Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою . . .
Ты ей пожертвовать готовъ . . .
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ.
Я жертвовать готовъ ей честью.”

Послѣ сихъ и многихъ другихъ прекрасныхъ мѣстъ, или вовсе не замѣченныхъ, или едва отмѣченныхъ, мнѣніе Пушкина выражено слабо, тогда какъ при изображеніи палача, гдѣ Рылѣевъ сказалъ:

Вотъ засучилъ онъ рукава . . .

Пушкинъ вымаралъ это мѣсто и написалъ на полѣ: продай мнѣ этотъ стихъ!

Новыя сочиненія, начатыя Рылѣевымъ, носили на себѣ печать болѣе зрѣлаго таланта. Можно было надѣяться, что опытность на литературномъ поприщѣ, очищенныя понятія и бо̀льшая разборчивость, подарили бы насъ произведеніями совершеннѣйшими. Жалѣю, что слабая моя па-

мять не можетъ представить яснаго тому доказательства изъ начатковъ Мазепы и Хмѣльницкаго. Изъ перваго нѣкоторые отрывки напечатаны; другой еще былъ, такъ сказать, въ пеленкахъ, но уже рожденіе его обѣщало впереди возмужалость таланта. Во всѣхъ публично изданныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: Думахъ, Войнаровскомъ, Гражданскомъ мужествѣ и другихъ — цѣль Рылѣева обнаруживается въ принаровленіи, которое можетъ сдѣлать самъ читатель; но его другія сочиненія, писанныя для ходу въ рукописи, слишкомъ ясны, и сколь ни бездѣльны кажутся въ литературномъ отношеніи съ перваго взгляда — особенно пѣсни, составленныя имъ съ Александромъ Бестужевымъ на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ, но намѣреніе, съ которымъ писаны и вліяніе ими произведенное въ короткое время, слишкомъ значительны. Хотя правительство всѣми мѣрами старалось истребить сіи пѣсни, гдѣ только могли находить ихъ, но они были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ его состоянію, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ. Съ другой стороны,

однаго преслѣдованія, безъ всякаго внутренняго убѣжденія, достаточно было для заманчивости сихъ легкихъ твореній, чтобы образованные люди пожелали сохранить ихъ. Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь, изображались въ нихъ простыми словами, но вѣрными красками.

Удаленнымъ отъ свѣта нельзя положительно сказать, что онѣ теперь въ ходу, но зная людей, зная, что однажды пріобрѣтенныя ими понятія, подобно дереву, которому садовникъ, желая сообщить произвольную форму, какъ ни сгибаетъ сучья, какъ ни обстригаетъ вѣтви, но они слѣдуютъ природному порядку и пускаютъ вверхъ свои отрасли — кажется трудно повѣрить, чтобъ этотъ катихизисъ простаго народа не распространялся все болѣе. Въ самой тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизустъ всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣтъ канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева.

Мнѣ пришла теперь на память одна мало-

извѣстная пьэса, написанная Рылѣевымъ въ послѣднее время для юношества высшаго сословія русскаго. Вотъ она:

Я ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся Славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ,
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута ни Ріеги.

Въ этихъ стихахъ лучше всего изображаются всѣ достоинства и недостатки поэзіи Рылѣева. Со всѣмъ тѣмъ кто не скажетъ, что это стихотвореніе можетъ стать на ряду съ лучшими Ирландскими мелодіями Мура.

Приступимъ теперь къ важнѣйшей эпохѣ жизни Рылѣева. Раздѣляемый между литературою, занятіями по обществу и домашними попеченіями, онъ

тихо проводилъ жизнь свою, уважаемый общимъ мнѣніемъ, любимый домашними и друзьями и подозрѣваемый правительствомъ, которое по видимому въ послѣднее время было очень слабо въ своемъ полицейскомъ надзорѣ. Мало по малу, тайные дѣла для приготовленія общества отвлекли его отъ другихъ занятій: онъ совершенно посвятилъ себя одной только заботѣ.

Не знаю, былъ ли онъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежавшихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключали, что общество наше многочисленно и что значащіе люди участвуютъ въ ономъ. Въ семъ положеніи дѣлъ застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начатія дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не

оттуда, откуда ожидалъ я, и, вмѣсто начатія дѣйствій, я увидѣлъ, что Рылѣевъ совершенно не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

— Гдѣ же общество, говорилъ я, о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетены объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія намѣренія, скажи ихъ намъ — и мы приступимъ къ исполненію. Говори! —

Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

Онъ былъ пораженъ нечаянностію случая и сказалъ:

— Это обстоятельство явно даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи. Я обманулся самъ; мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петер-

бургѣ невелико; но, не смотря на это, мы соберемся опять сегодня въ вечеру. Между тѣмъ я поѣду собрать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и въ войскѣ. —

Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ.

Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душою оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: они были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія. Въ городѣ еще не знали отречется ли Константинъ: тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

Когда мы остались трое, Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ многихъ намѣреній, положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое

идти ночью по городу останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часоваго и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба.

Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться въ послѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету.

Нельзя представить жадности, съ какою слушали солдаты; нельзя изъяснитъ быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

Два дни сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ Общества. Мало-по-малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду и болѣзнь

Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

Мнѣ прискорбно теперь припоминать предсказаніе, сдѣланное мною больному: тогда было оно шуткою, но вскорѣ исполнилось ужасною истиною. Ему поставили на шею мушку и когда она подѣйствовала, надобно было сдѣлать перевязку. Очищая больное мѣсто и прикладывая новый пластырь, я зацѣпилъ неосторожно за рану. Рылѣевъ вскрикнулъ.

— Какъ не стыдно тебѣ быть такъ малодушнымъ — сказалъ я шутя — и кричать отъ одного прикосновенія, когда ты знаешь свою участь, знаешь къ чему тебѣ должно пріучать свою шею. —

Между тѣмъ сомнѣнія на счетъ наслѣдства престола возрастали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни кь Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества.

Но не смотря на успѣхи наши, не взирая на то, что новые члены прибывали, что за многіе толки сдѣланы были обѣщанія, мы мало увѣрены были въ нашихъ силахъ: никто не могъ ручаться

за полный полкъ: ротные командиры, участвовавшіе въ заговорѣ, могли отвѣчать только за свои роты и то при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе на счетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать; чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ:

— Предвижу, что не будетъ успѣха; но потрясеніе необходимо. Тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: *дерзай*, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ. —

Наконецъ 12 декабря, въ субботу, явился у меня Рылѣевъ. Видъ его былъ безпокойный. Онъ сообщилъ мнѣ, что Оболенскій вывѣдалъ отъ Ростовцева, что сей послѣдній имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, въ которомъ объявилъ ему о умышляемомъ заговорѣ, о намѣреніяхъ воспользоваться расположеніемъ солдатъ и упрашивалъ его, для отвращенія кровопролитія, или отказаться отъ престола, или подождать цесаревича для формальнаго и всенароднаго отказа.

—. Оболенскій заставилъ Ростовцева переписать, какъ письмо, писанное имъ до свиданія,

такъ и разговоровъ съ Николаемъ. Вотъ черновое изложеніе того и другого, продолжалъ Рылѣевъ: — собственной руки Ростовцева. Прочти и скажи, что ты объ этомъ думаешь?

Я прочиталъ. Тамъ не было ничего упомянуто о существованіи Общества: не названо ни одного лица, но говорилось о намѣреніи воспротивиться вступленію на престолъ Нниколая; о могущемъ произойти кровопролитіи. Въ справедливости же своего показанія Ростовцевъ завѣрялъ головою, просилъ, чтобъ его посадили съ сей же минуты въ крѣпость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

— Увѣренъ ли ты — сказалъ я Рылѣеву — что все писанное въ этомъ письмѣ и разговоръ совершенно согласны съ правдою и что въ нихъ не убавлено противъ изустнаго показанія Ростовцева?

— Оболенскій ручается за правдивость этой бумаги: онъ говоритъ, что Ростовцевъ почти добровольно объявилъ ему все это.

— По доброй душѣ своей Оболенскій готовъ ему вѣрить; но я думаю, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ. Николаю онъ открываетъ заговоръ, предъ нами умываетъ руки признаніемъ, въ которомъ, говоритъ онъ, нѣтъ ничего личнаго.

Не менѣе того въ этомъ признаніи онъ могъ написать, что ему угодно и скрыть то, чего ему не надобно намъ сказывать. Но пусть будетъ такъ, что Ростовцевъ, движимый сожалѣніемъ, совѣстію, раскаяніемъ, сказалъ и написалъ не болѣе и не менѣе: однако же у него сказано о умыслѣ, и ежели у Николая теперь такъ много хлопотъ, что некогда распросить объ немъ доносчика, или боязнь и политика мѣшаютъ приняться за розыскъ какъ бы надобно, то конечно эти причины не будутъ существовать на первый день по вступленіи на престолъ, и Ростовцева заставятъ сказать что нибудь поболѣе о томъ, о чемъ онъ говоритъ теперь съ такою скромностію.

— И если бы сказано было что нибудь болѣе: насъ конечно тайная полиція прибрала бы къ рукамъ.

— Я тебѣ повторяю, что Николай боится сдѣлать это. Опорная точка нашего заговора есть вѣрность присяги Константину, и нежеланіе присягать Николаю. Это намѣреніе существуетъ въ войскѣ и конечно тайная полиція о томъ извѣстила Николая; но какъ онъ самъ еще не увѣренъ, точно ли откажется отъ престола братъ его, слѣдовательно арестъ людей, которые хотѣли остаться вѣрными первой присягѣ, можетъ показаться съ

дурной стороны Константину, ежели онъ вздумаетъ принять корону.

— Итакъ ты думаешь, что мы уже заявлены?

— Непремѣнно, и будемъ взяты ежели не теперь, то послѣ присяги.

— Что же ты полагаешь нужно дѣлать?

— Не показывать этого письма никому и дѣйствовать: лучше быть взятымъ на площади, нежели на постелѣ. Пусть лучше узнаютъ, за что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ изчезнемъ изъ общества и никто не будетъ знать гдѣ мы и за что пропали. —

Рылѣевъ бросился ко мнѣ на шею.

— Я увѣренъ былъ, сказалъ онъ съ сильнымъ движеніемъ, что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ — съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь конечно прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется. Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества! —

Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ полковнику Финляндскаго полка Моллеру, члену Общества, чтобы спросить его рѣшительнаго отвѣта и не застали дома. Рылѣевъ поручилъ мнѣ непремѣнно узнать о его намѣреніяхъ. Я былъ у Моллера опять ввечеру и нашелъ его въ наилучшемъ рас-

положенiи — съ этимъ я отправился къ Рылѣеву. Въ этотъ же вечеръ прiѣхала ко мнѣ изъ деревни мать съ сестрами, и потому мнѣ нельзя было оставаться на совѣщанiи. Рылѣевъ обѣщалъ извѣстить меня обо всемъ.

На другой день по утру, передавъ мнѣ нѣкоторыя слабыя надежды, Рылѣевъ поѣхалъ опять со мной къ Моллеру и опять не засталъ его дома. Обѣщавъ прiѣхалъ ко мнѣ обѣдать, онъ поручилъ мнѣ сыскать его, чтобы, узнавъ его мысли, принять рѣшительныя мѣры.

Я отправился къ Торсону и тамъ узнали мы, что Моллеръ у дяди своего министра. Послали за нимъ. Онъ явился, но былъ уже не тотъ, съ которымъ я говорилъ наканунѣ. При первомъ вопросѣ о его намѣренiяхъ, онъ вспыхнулъ, сказалъ, что не намѣренъ служить орудiемъ и игрушкою другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова нетвердо держится на плечахъ и, не слушая нашихъ убѣжденiй, ушелъ.

Я сообщилъ Рылѣеву за обѣдомъ нашу неудачу.

— Намъ надобно что нибудь узнать о Финляндскомъ полку, сказалъ онъ: — поѣдемъ къ Рѣпину. —

Мы поѣхали, насилу отыскали его, привезли

ко мнѣ и вотъ его слова о состояніи Финляндскаго полка:

— Моллеръ и Тулубьевъ, который еще сегодня поутру съ энтузіазмомъ далъ свое слово — оба отказываются. Моллеръ — по своимъ разсчетамъ, Тулубьевъ, слѣдуя ему. Я не могу ручаться ни за одного солдата. Моей роты здѣсь нѣтъ: она съ баталліономъ стоитъ въ деревнѣ и притомъ я сказываюсь больнымъ, подавши въ отставку. Во всемъ полку одинъ только Розенъ отвѣчаетъ за себя, но я не знаю, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать. —

Рылѣевъ уѣхалъ, давъ слово возвратиться ввечеру и извѣстить насъ объ окончательныхъ намѣреніяхъ къ завтрашнимъ дѣйствіямъ.

Мы остались съ Рѣпинымъ. Общество наше увеличилось Торсономъ и Батенковымъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Рылѣевъ съ Пущинымъ и объявилъ намъ о положенномъ на совѣщаніи, что завтрашній день при принятіи присяти должно поднимать войска, на которыя есть надежда, и какъ бы ни были малы силы, съ которыми выйдутъ на площадь, идти съ ними немедленно во дворецъ.

— Надобно нанесть первый ударъ, сказалъ онъ: — а тамъ замѣшательство дастъ новый

случай къ дѣйствію. Итакъ — братъ ли твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ — первой кто придетъ на площадь отправится тотчасъ во дворецъ.

Здѣсь Рѣпинъ замѣтилъ Рылѣеву, что дворецъ слишкомъ великъ и выходовъ въ немъ множество, чтобы занять его одною ротою, и что наконецъ Преображенскій баталліонъ, помѣщенный воздѣ дворца, можетъ въ ту же минуту быть введенъ туда чрезъ эрмитажъ, и что отважившаяся рота будетъ слишкомъ въ опасномъ положеніи, тогда какъ и безъ сего успѣхъ не вѣренъ, чтобъ воспрепятствовать уходу царской фамиліи.

— Если же, прибавилъ онъ, это необходимо, недурно бы достать планъ дворца и по оному расположить дѣйствія, чтобы воспользоваться съ выгодою малымъ числомъ.

— Мы не думаемъ, сказалъ Рылѣевъ, чтобы успѣли кончить всѣ дѣйствія однимъ занятіемъ дворца; но довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдетъ оттуда и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ и самые нерѣшительные должны будутъ склониться на нашу сторону. Повторою, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзайте. —

Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14 числа. Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13 числа, утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13 числа послѣ сего совѣщанія, и какъ я въ семъ случаѣ пишу не исторію Общества, но дѣйствія Рылѣева, то я долженъ ихъ передавать такъ, какъ я собственно ихъ видѣлъ и слышалъ.

Рано по утру 14 числа я былъ уже у Рылѣева: онъ собирался ѣхать со двора.

— Я дожидалъ тебя, сказалъ онъ, что ты намѣренъ дѣлать?

— Ѣхать, по условію, въ Гвардейскій Экипажъ. Можетъ быть тамъ мое присутствіе будетъ къ чему нибудь годно.

— Это хорошо. Сейчасъ былъ у меня Каховскій и далъ намъ съ твоимъ братомъ Александромъ слово о исполненіи своего обѣщанія, а мы сказали ему на всякой случай, что съ сей поры мы его не знаемъ и онъ насъ не знаетъ, и чтобы онъ дѣлалъ свое дѣло, какъ умѣетъ. Я же, со своей стороны, ѣду въ Финляндскій и Лейбъ-Гренадерскій полки и, если кто либо вый-

детъ на площадь, я стану въ ряды солдатъ съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Какъ — во фракѣ?

— Да! а можетъ быть надѣну и русскій кафтанъ, чтобы среднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы.

— Я тебѣ этого не совѣтую. Русской солдатъ не понимаетъ этихъ тонкостей патріотизма и ты скорѣе подвергнешся опасности отъ удара прикладомъ, нежели сочувствію къ твоему благородному, но неумѣстному поступку. Къ чему этотъ маскарадъ? Время національной гвардіи еще не настало. —

Рылѣевъ задумался.

— Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ романически, сказалъ онъ. Итакъ: просто, безъ излишествъ, безъ затѣй. Можетъ быть, продолжалъ онъ, можетъ быть мечты наши сбудутся; но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ. — Онъ вздохнулъ, крѣпко обнялъ меня: мы простились и пошли.

Но здѣсь ожидала насъ трудная сцена. Жена его выбѣжала къ намъ на встрѣчу, и когда я хотѣлъ съ нею поздороваться, она схватила мою руку и, заливаясь слезами, едва могла выговорить:

— Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его — я знаю, что онъ идетъ на погибель! —

Кто изъ моихъ товарищей испыталъ чувствованія, одушевлявшія каждаго изъ насъ въ эти незабвенные дни, тотъ можетъ представить, что напряженная душа готова была ко всѣмъ пожертвованіямъ, и потому я угаваривалъ ее такими словами, какъ будто супруга и мать должна была понимать мои чувствованія: но это было холодно для ея сердца. Рылѣевъ, подобно мнѣ, старался успокоить ее: что онъ возвратится скоро, что въ намѣреніяхъ его нѣтъ ничего опаснаго. Она не слушала насъ; но въ это время дикій, горестный и испытующій взглядъ большихъ, черныхъ ея глазъ попеременно устремлялся на обоихъ. Я не могъ вынести этого взгляда и смутился: Рылѣевъ примѣтни былъ въ замѣшательствѣ. Вдругъ она отчаяннымъ голосомъ вскрикнула:

— Настинька, проси отца за себя и за меня! —

Маленькая дочька выбѣжала рыдая, обняла колѣна отца, а мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ, вырвался изъ ея и дочернихъ объятій и убѣжалъ.

Здѣсь мы разстались.

Когда я пришелъ на площадь съ Гвардейскимъ

Экипажемъ — уже было поздно. Рылѣевъ привѣтствовалъ меня первымъ цалованіемъ свободы и, послѣ нѣкоторыхъ обясненій, отвелъ меня на сторону и сказалъ: — Предсказаніе наше сбывается: послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою! Это были послѣднія слова Рылѣева, которыя мнѣ были сказаны. Остальная развязка нашей политической драмы всѣмъ извѣстна . . .

Мы сидѣли въ крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ; въ 14-мъ No. былъ братъ мой Михаилъ, въ 15-мъ — я, въ 16-мъ — князь Одоевскій, въ 17-мъ и послѣднемъ — Рылѣевъ. Мало-по-малу мы съ братомъ возстановили сношенія посредствомъ выдуманной имъ азбуки звуками въ стѣну. Мы объяснялись свободно. Я хотѣлъ переговорить съ Рылѣевымъ, но всѣ мои попытки дать понятіе о нашей азбукѣ Одоевскому, между нами всѣ сношенія были очень коротки и невѣрны — чрезъ стараго ефрейтера словесно и, почти передъ самою сентенціею, записками. Это препятствіе много повредило нашему дѣлу.

Вотъ поведеніе Рылѣева по комитету, сколько я могъ судить изъ дѣла и его показаній, которыя

до меня доходили. Но здѣсь я говорю собственное мнѣніе, одно заключеніе, то̀, что̀ мнѣ казалось, не основываясь ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ.

Рылѣевъ старался предъ комитетомъ выставить Общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ нашею мыслью, чтобы знали чего хотѣло Общество, онъ открылъ многія вещи, которыхъ открывать бы не надлежало. Совсѣмъ тѣмъ это не были ни важныя показанія на лица, ни какія-нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть Общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощенье; впослѣдствіи, когда все было открыто и когда не для-чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже стращали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены. Я зналъ чрез старого солдата, что Рылѣеву было обѣщано отъ

государя прощенье, если онъ признается въ своихъ намѣреніяхъ; женѣ его сказано было тоже, — позволены были свиданія, переписка — все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылѣева. Сверхъ того, зная нашу съ нимъ дружбу, насъ спрашивали часто отъ его имени о такихъ вещахъ, о которыхъ намъ прежде и на мысли не приходнло. Я признаюсь, обманутый самъ обѣщаньемъ царскимъ, зная за какую цѣну оно обѣщано Рылѣеву и зная его намѣреніе представлять въ важнѣйшемъ видѣ вещи, думалъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы не повредить ему и не выставить его лжецомъ, отрицаясь отъ показаній сдѣланныхъ будто отъ его имени, особенно въ началѣ дѣла, когда я еще не разгадалъ этой хитрости комитета; но послѣ я узналъ это и мы съ братомъ взяли свои мѣры. Что же касается до Рылѣева — онъ не измѣнилъ своей всегдашней довѣрчивости и до конца убѣжденъ былъ, что дѣло окончится для насъ благополучно. Это было видно изъ его записки, посланной ко всѣмъ намъ въ равелинѣ, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ верховнаго уголовнаго суда. Она начиналась слѣдующими словами: „Красные кафтаны (т. е. сенаторы) горячатся и присудили намъ смертную

казнь; но за насъ Богъ, государь и благомыслящіе люди.“ Окончанія не помню.

Черезъ семь мѣсяцевъ судьба привела намъ еще видѣться съ нимъ. Въ безмолвномъ кладбищѣ нашемъ, равелинѣ, былъ маленькій садикъ, куда насъ водили по очереди гулять; очередь Рылѣева была всегда во время ужина. Однажды ефрейторъ, вынося отъ меня столовую посуду, отворилъ дверь въ ту самую минуту, когда Рылѣевъ проходилъ мимо: мы увидѣли другъ друга — этого довольно было, чтобы вытолкнуть ефрейтера, броситься другъ другу на шею и поцаловаться послѣ столь долгой разлуки. Такой случай былъ эпохою въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тайна и молчаніе, гдѣ подслушиваніе и подзоръ не отступаютъ ни на минуту отъ несчастныхъ жертвъ, заживо туда похороненныхъ . . .

Что мнѣ теперь прибавить? Съ этой минуты я не видалъ его болѣе. Я узналъ о немъ отъ священника уже послѣ казни; узналъ съ какимъ мужествомъ и смиреніемъ принялъ онъ двукратную смерть отъ руки палача. „Положите мнѣ руку на сердце и посмотрите скорѣе ли оно бьется“, сказалъ онъ священнику. Они всѣ пятеро поцаловались, оборотились такъ, чтобъ можно было пожать имъ связаннымъ другъ другу руки

— и приговоръ ихъ былъ исполненъ. По неловкости палача Рылѣевъ, Каховскій и Муравьевъ (по свидѣтельству другихъ — Пестель*) должны были вытерпѣть эту казнь въ другой разъ, и Рылѣевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и прежде сказалъ: „Имъ мало нашей казни — имъ надобно еще тиранство!“

Николай Александровичъ Н. Бестужевъ.

---

*) Авторъ этихъ воспоминаній писалъ ихъ въ Петровскомъ заводѣ, въ 1835. Онъ скончался на поселеніи въ Селенгинскѣ, 15 Мая 1855.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЫЛѢЕВѢ.

Начало моего знакомства съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ Рылѣевымъ было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы. Навѣрное не помню, но кажется мнѣ — это было въ 1822 году, т. е. послѣ возвращенія гвардейскаго корпуса изъ Бѣшенковичей, т. е. послѣ предполагаемаго похода заграницу противъ революціонныхъ движеній въ Италіи. Рылѣевъ въ то время только что издалъ Войнаровскаю, и готовилъ къ печати свои Думы. Имя его было извѣстно между литераторами, а свободолюбивое направленіе его мыслей обратило на него вниманіе членовъ Тайнаго Общества. Иванъ Ивановичъ Пущинъ первый, кажется, познакомился съ нимъ и, по разрѣшенію Верховной Думы, принялъ его въ число членовъ общества. Сблизившись съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ съ первыхъ дней знакомства, не могъ не сказать, что я ввѣрился ему всѣмъ сердцемъ, и нашелъ

въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ возрастѣ человѣческомъ, но наиболѣе цѣнится во дни молодости, гдѣ силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга дѣятельности. Это стремленіе удовлетворялось отчасти вступленіемъ въ члены Тайнаго Общества. „Союзъ Благоденствія" такъ оно называлось, удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной, нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаяній союза, котораго цѣлъ была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи: наконецъ — направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой, виднѣлась

окончательная цѣль — политическое преобразованіе отечества — когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа. Нетрудно было усвоить Рылѣеву всѣ эти начала, при его пылкой, поэтической душѣ и воспріимчивой натурѣ. Онъ съ перваго шага ринулся на открытое ему поприще, и всего себя отдалъ той высокой идеѣ, которую себя усвоилъ.

Скажу нѣсколько словъ о его наружности и первоначальной службѣ. Роста онъ былъ средняго. Черты лица его составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась предъ другою. Волосы его были черные, слегка завитые; глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклоненная впередъ, при мѣрной поступи показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнію, которая, выражаясь въ вдохновенной пѣснѣ, когда приходила минута вдохновенія, въ другія времена искала осуществленія той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности.

Образованіе онъ получилъ въ 1-мъ кадетскомъ

корпусѣ, и началъ службу въ артиллеріи. Въ бесѣдахъ съ нимъ я слышалъ, что его молодость была бурная; но подробностей объ этомъ періодѣ его жизни я не слыхалъ, и мнѣ не случалось даже быть знакомымъ съ его товарищами по службѣ, въ этомъ періодѣ его жизни на военномъ поприщѣ. Онъ женился рано, по любви и, кажется, не съ полнымъ одобреніемъ его старушки-матери, Настасьи Ѳедоровны Рылѣевой, жившей въ малой деревушкѣ, въ 60 верстахъ отъ Петербурга, около села Рожествена. Жена его, Наталья Михайловна, любила его съ увлеченіемъ; маленькая дочь, Настинька, тогда еще четырехъ или пяти лѣтъ — маленькая, смугленькая и живая, одушевляла своимъ присутствіемъ его домашнюю жизнь. О его общественной, служебной жизни я немного могу сказать. Сначала онъ служилъ засѣдателемъ въ Петербургской Уголовной Палатѣ, вмѣстѣ съ Ив. Ив. Пущинымъ, который промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артиллеріи на скромную службу, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить и другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устранялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ низшія

судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей, тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни и на общественномъ поприщѣ, составляютъ надежную опору всѣмъ слабымъ и безпомощнымъ, всегда и вездѣ составляющимъ большинство, коего нужды и страданія едва слышны меньшинству богатыхъ и сильныхъ. Въ послѣдствіи Рылѣевъ перешелъ правителемъ дѣлъ въ Американскую Компанію, и занималъ скромную квартиру въ домѣ Компаніи. Какъ поэтъ, онъ пользовался знакомствомъ и дружбою многихъ литераторовъ того времени. У Николая Ивановича Греча собиралась въ то время, разъ въ недѣлю, вся литературная семья. Рылѣевъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ. Въ особенности былъ онъ друженъ съ Алексaндромъ Александровичемъ Бестужевымъ, котораго, кажется, онъ и принялъ въ члены Общества. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ также въ члены Общества его братъ, Николай Александровичъ, и меньшій ихъ братъ Петръ, рано кончившій земное свое поприще. Александръ Бестужевъ тогда уже начиналъ литературное свое поприще повѣстями, которыя по живости слога обѣщали блестящее развитіе, въ послѣдствіи имъ такъ хорошо оправданное. Тутъ же должно вспомнить и

Александраи Осиповича Корниловича, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, который усердно и съ любовію трудился надъ памятниками петровскаго времени, и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету. И у Рылѣева собирались нерѣдко литераторы и многіе изъ близкихъ его знакомыхъ и друзей. Тутъ, кромѣ выше именованныхъ, бывали: Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пущина по Лицею, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій и многіе другіе, коихъ именъ не упомню. Бесѣда была оживлена не всегда предметами чисто-литературными; нерѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ, и скромнымъ своимъ обращеніемъ внушала общее къ себѣ уваженіе.

Его общественная дѣятельность, по занимаемому имъ мѣсту правителя дѣлъ Американской Компаніи, заслуживала бы особеннаго разсмотрѣнія по той пользѣ, которую онъ принесъ Компаніи

и своею дѣятельностію и безъ сомнѣнія болѣе существенными заслугами, потому что не прошло и двухъ лѣтъ, со времени вступленія его въ должность — правленіе Компаніи выразило ему свою благодарность, подаривъ ему дорогую енотовую шубу, оцѣненную въ то время въ семьсотъ рублей.

Изъ воспоминаній того времени могу только вспомнить, что его сильно тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Сѣверо-Американскимъ основанной нами колоніи Россъ въ Калифорніи, которая могла быть для насъ твердой опорной точкой, для участія въ богатыхъ золотыхъ пріисхахъ, столь прославившихся въ послѣдствіи. По случаю этой важной для Американской Компаніи мѣры, Рылѣевъ, какъ вравитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками, и въ послѣдствіи времени всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывали ему Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Въ этомъ періодѣ времени, т. е. въ концѣ 1823 года или въ началѣ 1824 г., прибылъ въ Петербургъ Павелъ Ивановичъ Пестель, имѣвшій порученіе, отъ членовъ Южнаго Общества, войти въ сношенія съ членами Сѣвернаго, дабы условиться на счетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ чле-

новъ Союза: этотъ пріѣздъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Рылѣева. Здѣсь нужно обратить вниманіе на замѣчательную личность Павла Ивановича Пестеля. Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ, я могу только высказать впечатлѣніе, имъ на меня произведенное. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Роста небольшаго, съ пріятными чертами лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные, и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ, съ самаго основанія Общества, въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія Общества и настоящую цѣль онаго соотвѣтствовалъ его умственному направленію, которое требовало во всемъ ясности, опредѣленной цѣли, и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Русская правда, имъ написанная, составляла программу, имъ предлагаемую для политическаго государственнаго устройства. Цѣль его поѣздки въ Петербургъ состояла въ томъ, чтобы согласить Сѣверное Общество на дѣйствія, сообразныя съ дѣйствіями Южнаго. Членами

Верховной Думы въ Петербургѣ въ то время были: Трубецкой, Никита Михайловичъ Муравьевъ и я. На первомъ совѣщаніи съ нами, Павелъ Ивановичъ съ обычнымъ, увлекательнымъ даромъ слова объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной, давала Обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена отдѣльно терялись въ напрасныхъ усиліахъ, между тѣмъ, какъ бывъ направлены къ впредѣленной и ясно признанной цѣли, могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной. Эта мысль была для насъ не новою: давно уже въ совѣщаніяхъ нашихъ она была обсуживаема и составляла предметъ думы каждаго изъ насъ, но не была еще облечена въ опредѣленную форму. Предложеніе Павла Ивановича представляло эту форму и было привлекательно, какъ плодъ долгихъ, личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ особенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова. Трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ. Но при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ чувствовалъ, что единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, итти по пути,

указанному имъ. Кромѣ того мы не могли дать рѣшительнаго отвѣта, не предложивъ его сначала членамъ Общества, наиболѣе облеченнымъ довѣріемъ общимъ. Многіе изъ нихъ были въ отсутствіи, и потому мы отложили рѣшительный отвѣтъ до того времени, когда представится возможность сообщить предложеніе тѣмъ, которыхъ довѣренность насъ поставила на занимаемое нами мѣсто. Павелъ Ивановичъ познакомившись чрезъ насъ съ Кондратіемъ Өедоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевныя мысли, привлекъ его къ собственному воззрѣнію на цѣль Общества и на средства къ достиженію оной. Кажется, это сближеніе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣ ствія Рылѣева. Вскорѣ послѣ отъѣзда Пестеля, князь Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, котораго главная квартира находилась въ Кіевѣ. На его мѣсто былъ избранъ членомъ Думы Кондратій Өедоровичъ.

Къ этому же времени, т. е. къ половинѣ 1824 года, должно отнести грустное событіе, въ коемъ Рылѣевъ принималъ участіе какъ свидѣтель, и которое грустно отозвалось въ обществѣ того времени. Эта была — дуэль между офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Черновымъ и

лейбъ-гв. Гусарскаго Новосильцовымъ. Оба были юноши съ небольшимъ 20-ти лѣтъ, но каждый изъ нихъ былъ поставленъ на двухъ, почти противоположныхъ, ступеняхъ общества. Новосильцовъ — потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествина въ маленькой своей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армію. Переводомъ своимъ въ гвардію онъ былъ обязанъ новому составу Л. Гв. Семеновскаго полка, въ который вошло по цѣлому баталіону изъ полковъ: Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Графа Аракчѣева. Между тѣмъ у Аграфены Ивановны Черновой была дочь замѣчательной красоты. Не помню по какому случаю Новосильцовъ познакомился съ Аграфеной Ивановной былъ пораженъ красотою ея дочери и, послѣ немногихъ недѣль знакомства, рѣшился просить ея руки. Согласіе матери и дочери было полное. Новосильцовъ и по личнымъ достоинствамъ и по наружности могъ и долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на дѣвицу, жившую вдали отъ высшаго, блестящаго круга. По-

лучивъ согласіе ея матери, Новосильцовъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по ближайшимъ окрестностямъ, и въ обращеніи съ нею находился на той степени сближенія, которая допускается только жениху съ невѣстой. Въ порывѣ первыхъ дней любви и очарованія онъ забылъ, что у него есть мать, Екатерина Владиміровна, рожденная графиня Орлова, безъ согласія коей онъ не могъ и думать о женитьбѣ. Скоро однакожъ онъ опомнился, написалъ къ матери и, какъ можно было ожидать, получилъ рѣшительный отказъ и строгое приказаніе, немедленно прекратить всѣ сношенія съ невѣстой и ея семействомъ. Разочарованіе ли въ любви или боязнь гнѣва матери, но только Новосильцовъ, по полученіи письма, не долго думалъ: простился съ невѣстой, съ обѣщаніемъ возвратиться скоро, и съ того времени прекратилъ съ нею всѣ сношенія. Кондратій Ѳедоровичъ былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ. Чрезъ брата невѣсты онъ зналъ всѣ отношенія Новосильцова къ его сестрѣ. — Послѣ долгихъ ожиданій, въ надеждѣ, что Новосильцовъ обратится къ нареченной своей невѣстѣ, видя наконецъ что онъ совершенно ее забылъ и видимо ею пренебрегаетъ,

Черновъ, послѣ соглашенія съ Рылѣевымъ, обратился къ нему сначала письменно, а потомъ лично съ требованіемъ, чтобы Новосилцовъ объяснилъ причины своего поведенія въ отношеніи его сестры. Отвѣтъ сначала былъ уклончивый, потомъ съ обѣихъ сторонъ было сказано, можетъ быть, нѣсколько оскорбительныхъ словъ и наконецъ назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцову Рылѣевымъ. День назначенъ — противники сошлись — лицемъ другъ къ другу — оба спустили курки и оба пали смертельно раненые — обоихъ отвезли приближенные въ свои квартиры — Чернова въ скромную офицерскую квартиру Семеновскаго полка, Новосильцова въ домъ родственниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и не отходилъ отъ его страдальческаго ложа. Близкая смерть положила конецъ враждѣ противниковъ. Каждый изъ нихъ горячо заботился о состояніи другаго. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому. Еще день, много два, и неизбѣжная смерть должна была кончить юную жизнь каждаго изъ иихъ. Оба приготовились къ смертному часу. По близкой дружбѣ съ Рылѣевымъ я и многіе другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, въ которомъ

онъ, вступясь за честь сестры, палъ жертвою того грустнаго предразсудка, который велитъ кровью омыть запятнанную честь. Предразсудокъ общій, чуждый духа христіанскаго! Имъ ни честь не возстановляется и ничто не разрѣшается, но удовлетворяется только общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостію смотритъ на того, кто рѣшается не подчиниться общему закону. Свѣжо еще у меня въ памяти мое грустное посѣщеніе. Вхожу въ небольшую переднюю: меня встрѣтилъ Рылѣевъ. Онъ вошелъ къ страдальцу и сказалъ о моемъ приходѣ; я вошелъ и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть; я взялъ его руку и спросилъ: какъ онъ себя чувствуетъ? На вопросъ отвѣта не было; но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ: много лестныхъ словъ, незаслуженныхъ мною (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ) сказалъ мнѣ умирающій. Въ избыткѣ сердечнаго чувства, молча пожалъ я ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ, хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не растревожить его раны и ушелъ въ грустномъ раздумьи. За мною вошелъ Александръ Ивановичъ Якубовичъ, одинъ

изъ кавказскихъ героевъ, раненый пулею въ лобъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для излеченія отъ раны, выдержавшій операцію черепной кости, и громко прославленный во многихъ кругахъ за его смѣлый, отважный характеръ, за многія доблестныя качества, свидѣтельствованныя боевою кавказскою жизнію. Онъ былъ членомъ Общества. По своему обыкновенію, Александръ Ивановичъ сказалъ Чернову рѣчь; отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношеніи къ себѣ, но онъ умѣлъ сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боеваго сердца нашего Кавказца. Онъ вышелъ отъ него со слезою на глазахъ, и мы молча пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова; мирно отошелъ онъ въ вѣчность. Въ тоже время не стало и Новосильцова. Мать и родные услаждали его послѣднія минуты. Убитая горемъ, мать приняла его послѣднее дыханіе. Она же проводила, съ немногими близкими, его гробъ, послѣднее жилище единственнаго любимаго сына, единственной ея надежды на земную радость, въ родовой склепъ. Мать Чернова не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына. Кажется, онъ не желалъ, чтобы сообщили ей и въ особенности сестрѣ то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣ-

женъ. Многіе и многіе собрались утромъ назначеннаго для похоронъ дня ко гробу безмолвнаго уже Чернова. Товарищи вынесли его и понесли въ церковь. Длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые, пришедшіе воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища. Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выразило сочувствіе къ тому, кто собою выразилъ идею общую, каждымъ сознаваемую и сознательно и безсознательно, идею о защитѣ слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ здѣсь мыслятъ на землѣ, съ земными помыслами! Высшій судъ, испытующій сердца, можетъ быть видитъ иначе; можетъ быть тамъ на небесахъ давно уже соединилъ узами общей, вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли.

Во второй половинѣ 1822 года родилась у Рылѣева мысль изданія альманаха, съ цѣлію обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Рылѣева и товарища его въ предпріятіи, Александра Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ.

Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же они, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли и голодъ и холодъ, и существовали или отъ потучаемаго жалованья, или отъ собственнихъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получить вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ: въ томъ числѣ находился и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Полярная Звѣзда имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила имъ чистой прибыли отъ 1500 руб. до 2000 рублей.

Такимъ образомъ начался 1825 годъ, который встрѣченъ былъ нами съ улыбкою радости и надежды. Я встрѣтилъ его дома, въ семьѣ родной. Получивъ 27ми дневный отпускъ, я воспользовался имъ, чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ Общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву. Исполнивъ эту цѣль моей поѣздки и утѣшившись ласками престарѣлаго родителя и милыхъ сестеръ, я возвратился въ концѣ января въ Петербургъ. Я нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ альманаха; а по дѣламъ Общества всё находилось въ

какомъ то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ за границей, Иванъ Ивановичъ Пущинъ переѣхалъ въ Москву, кн. Сергѣй Петровичъ Трубецкій былъ въ Кіевѣ, Михайло Михайловичъ Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ*). Такимъ образомъ наличное число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности чрезъ постоянное, взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные, періодически-назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ. Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера Лейбъ-Гренадерскаго полка, вышедшаго въ отставку по неудовольствію съ командиромъ полка, и пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Рылѣевъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, находя въ немъ

*) Въ Москвѣ имѣли также пребываніе: Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, Павелъ Ивановичъ Колошинъ.

душу пылкую, принялъ его въ члены Общества. Лично я его мало зналъ, но по отзыву Рылѣева мнѣ извѣстно, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Онъ видѣлъ въ немъ втораго Занда. Знаю также, что Рылѣевъ ему много помогалъ въ средствахъ къ жизни и не щадилъ для него своего кошелька.

Къ этому времени, т. е. къ началу осени 1825 г., въ слѣдствіе ли темнаго, неразгаданнаго предчувствія, или въ слѣдствіе думъ, постоянно обращенныхъ на одинъ и тотъ же предметъ, возникло во мнѣ самомъ сомнѣніе, довольно важное для внутренняго моего спокойствія. Я его сообщилъ Рылѣеву. Оно состояло въ слѣдующемъ; я спрашивалъ самаго себя, имѣемъ ли мы право, какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ, и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильно на тѣхъ, которые, можетъ быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго; если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго мнѣ не давала покоя, въ минуты и часы досуга, когда мысль проходитъ процессъ

самоиспытанія. Можетъ быть, она родилась во мнѣ въ слѣдствіе слова, даннаго нами Пестелю и рѣшенія, принятаго нами воспользоваться или перемѣною царствованія или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ, для исполненія окончательной цѣли Союза, т. е. для государственнаго переворота тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ тому времени.

Сообщивъ свою думу Рылѣеву, я нашелъ въ немъ жаркаго противника моему воззрѣнію. Его возраженія были справедливы. Онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго или своекорыстнаго, то суть только выраженіе нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженіе идеи общей еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ. Доказательствомъ сочувствія большинства онъ приво-

дилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости, и частныя и проистекающія отъ высшей власти; наконецъ приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ коими онъ бывалъ въ личныхъ сношеніяхъ. Чувствуя и цѣня справедливость его возраженій, я понималъ однакожъ, что если идеи истины, свободы, правосудія составляютъ необходимую принадлежность всякаго мыслящаго существа, и потому доступны и понятны каждому, то форма ихъ выраженія или выраженіе ихъ въ постукпѣ подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи. Бѣднякъ по чувству справедливости, можетъ сказать богатому: удѣли мнѣ часть своего богатства. Но если онъ, получивъ отказъ, рѣшится, потому же чувству правды, отнять у него эту часть силою, то своимъ поступкомъ онъ нарушитъ самую идею справедливости, которая въ немъ возникла при чувствѣ своей бѣдности. Я понималъ также, что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идей свободы истины и правды; но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воз-

зрѣнія, но отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствіи. Я смутно понималъ также, что кромѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и государственныхъ, какъ выраженія идей свободы, истины и правды, въ государственномъ устройствѣ должно быть выраженіе идеи любви, высшей, связующей всѣхъ въ одну общую земью. Ея выраженіе есть Церковь. Много и долго спорили мы съ Рылѣевымъ или, лучше сказать, обмѣнивались мыслями, чувствами и воззрѣніями. Ежедневно, въ продолженіи мѣсяца или болѣе, или онъ заѣзжалъ ко мнѣ или я приходилъ къ нему, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ проводили мы часы и разставались, когда уже утомлялись отъ долгой и поздней бесѣды. Въ этихъ ежедневныхъ бесѣдахъ вопросы были и философскіе и религіозные. Но послѣ многихъ отступленій, Рылѣевъ приходилъ къ темѣ, заданной мною сначала. Я видѣлъ, что онъ понималъ ее, какъ охлажденіе съ моей стороны къ дѣлу Общества и потому его усилія клонились къ тому, чтобы не допускать меня до охлажденія.

Между тѣмъ въ тайнахъ высшихъ судебъ приготовлялось событіе грустное, о которомъ никто изъ насъ не помышлялъ, и которое поразило васъ,

какъ поражаетъ громовой ударъ при безоблачномъ небѣ. Иператоръ Александъ Павловичъ приготовлялся къ путешествію на югъ. Много слуховъ было тогда о причинахъ его путешествія. Между прочимъ говорили, что онъ готовилъ себѣ мѣсто успокоенія отъ царственныхъ трудовъ въ Таганрогѣ, гдѣ ему приготовляли дворецъ и гдѣ онъ думалъ, съ добродѣтельной супругой, Елисаветой Алексѣевной, послѣ отреченія отъ престола, поселиться въ глубокомъ уединеніи и посвятить остатокъ дней покою и тишинѣ. Много признаковъ утомленія отъ царственныхъ трудовъ и глубокаго потрясенія лучшихъ силъ души давно уже видимо было не только тѣмъ, которые были близки къ его особѣ, но и намъ, занимавшимъ мѣста низшія въ правительственной іерархіи.

Раскасированіе стараго Семеновскаго полка, наиболѣе имъ любимаго, первое потрясло его вѣру въ преданность къ его особѣ тѣхъ полковъ гвардіи, въ любви которыхъ онъ былъ наиболѣе увѣренъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ, что причина явнаго неповиновенія полка не заключалась единственно въ мѣлкихъ притѣсненіяхъ полковника Шварца, въ его неумѣніи обращаться съ солдатами, въ его желаніи унизить духъ солдатъ и офицеровъ, но въ дѣй-

ствіи Тайнаго Общества, коего членами онъ полагалъ многихъ офицеровъ стараго Семеновскаго полка. Въ этомъ онъ ошибался.

Сколько мнѣ извѣстно, изъ офицеровъ, бывшихъ въ то время при полку, членомъ Общества и однимъ изъ первыхъ его основателей былъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. Кромѣ его я не зналъ никого. Слѣдствіе, которое было сдѣлано, не раскрыло ничего, кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенія полковника Шварца съ солдатами и офицерами, и противодѣйствія сихъ послѣднихъ тѣмъ благороднымъ обращеніемъ съ ввѣренными имъ нижними чинами, которое само собою, безъ всякаго возмутительнаго начала, являло солдатамъ полковника Шварца въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Съ того времени можно было замѣтить, какъ вкралось недовѣріе въ сердце императора къ любимому имъ войску. Многіе думали и говорили, что въ немъ преобладала фрунтоманія. Съ этимъ мнѣніемъ я несовершенно согласенъ. Я весьма понимаю то возвышенное чувство, которое ощущаетъ всякій военный при видѣ прекраснаго войска, какимъ была и всегда будетъ гвардія, стройно движущаяся по мановенію начальника. Тутъ соединяется и стройность движеній, и тишина, и та самоувѣренность каждаго, движущагося безмолвно

въ этомъ строю, которая являетъ собою невидимую, несокрушимую силу и бодрость душевную, составляющія украшеніе человѣка. Это чувство могъ раздѣлять и раздѣлялъ императоръ Александръ при видѣ своего войска. На ежедневныхъ его посѣщеніяхъ развода, въ манежѣ, онъ искалъ не отличнаго фрунтоваго образованія, но тотъ духъ, коимъ одушевлялось войско. Подъѣзжая къ фронту и ожидая отвѣта на сердечный привѣтъ: „здорово, ребята,“ онъ въ одушевленномъ: „здравія желаемъ, ваше императорское величество“, слышалъ или голосъ полный любви неподдѣльной, или какой то полухолодный отвѣтъ, который болѣзненно отзывался въ его любящей душѣ. Онъ былъ счастливъ, если слышалъ первый — и всѣмъ былъ доволенъ. Тогда и министры принимались съ докладами, и ихъ доклады всегда счастливо проходили; и ученіе развода, хотя съ ошибками, сходило съ рукъ хорошо. Это настроеніе въ особенности замѣтно стало въ послѣдніе годы его жизни. Помню весьма хорошо послѣдній Петергофскій праздникъ 1825 года. Императоръ, проѣзжая по парку, встрѣтилъ рядоваго лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который, нечаянно увидѣвъ государя выѣзжавшаго изъ-за кустовъ, сталъ во фронтъ по солдатскому обычаю и, не дожидаясь

царскаго привѣта, громко и одушевленно воскликнулъ: „здравія желаю, ваше императорское величество.“ Государь спросилъ его имя и велѣлъ немедленно произвесть въ унтеръ-офицеры. Заслуга рядоваго состояла единственно въ чувствѣ, которое онъ умѣлъ выразить. Изъ этаго примѣра можно видѣть, какъ высоко цѣнилъ это чувство императоръ Александръ.

Довольно выразить, но не трудно понять и почувствовать тому, кто самъ служилъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ солдатами, сколько истины въ этихъ натурахъ, еще неиспорченныхъ воспитаніемъ свѣтскимъ, неизнѣженныхъ роскошію. Взявъ каждаго отдѣльно, можно найти въ немъ и лукавство, весьма естественное въ начальникѣ видитъ не своего друга, но по большей части судью или безотвѣтственнаго начальника. Но въ строю, въ то время, когда ничто не возмущаетъ его чистыхъ побужденій, его голосъ есть голосъ истины, выражаемой всегда ея неподдѣльнымъ одушевленіемъ къ тому лицу, которое заслужило его довѣріе. Тутъ видно и чувство народное, выражаемое просто, но явственно слышимое тѣми, которые прислушиваются къ нему. Такъ понималъ я императора Александра въ его

ежедневныхъ отношеніяхъ къ любимому имъ войску.

Но обратимся къ его поѣздкѣ въ Таганрогъ и къ первому извѣстію о его болѣзненномъ состояніи послѣ поѣздки въ Крымъ. Кто могъ помышлять, при легкихъ припадкахъ лихорадки крымской, что болѣзнь опасна и поведетъ къ скорому концу? Телеграфовъ тогда еще не существовало, и потому мы спокойно ожидали дальнѣйшихъ извѣстій, которыя однакожъ не замедлили придти, съ характеромъ угрожающимъ. Тогда начались молебствія въ церквахъ о здравіи государя и, кажется, во время втораго молебствія въ Зимнемъ Дворцѣ пришло извѣстіе о его смерти — и молебствіе обратилось въ торжественную паннихиду. За тѣмъ провозглашенъ былъ императоромъ Константинъ Павловичъ, и на другій день вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу.

Наканунѣ присяги всѣ наличные члены Общества собрались у Рылѣева. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣйства Общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ до-

мамъ, чувствуя, что на долго, а можетъ быть и навсегда отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни! На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ и завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича. Тутъ всё пришло въ движеніе и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ.

Не стану разсказывать о ежедневныхъ нашихъ совѣщаніяхъ, о дѣятельности Рылѣева, который, вопреки болѣзненному состоянію (у него открылась въ это время жаба), употреблялъ всю силу духа на исполненіе предначертаннаго намѣренія — воспользовался перемѣною царствованія для государственнаго переворота.

Дѣйствія Общества и каждаго изъ членовъ обнародованы въ докладѣ Коммиссіи и въ сентенціи Верховнаго Уголовнаго Суда. Нельзя отрицать истины, выраженной фактами, но по совѣсти могу и долженъ сказать, что и въ горячешномъ бреду человѣкъ говоритъ то̀, чего послѣ не помнитъ: такъ и тутъ. Всё, что было сказано въ минуты, когда воображеніе, увлекаемое сильно-восторженнымъ чувствомъ, выговаривало въ порывѣ увлеченія, не можетъ и не должно быть

принято за истину. Но Верховный Судъ не могъ быть тайнымъ свидѣтелемъ того, что происходило на совѣщаніяхъ не могъ вникать въ нравственное состояніе каждаго. Онъ произносилъ приговоръ надъ фактомъ, а фактъ былъ неопровержимъ. Покроемъ завѣсою прошедшее!

Насталъ день 14 декабря. Рано утромъ я былъ у Рылѣева: онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дѣйствіяхъ дальнѣйшихъ, я отправился къ себѣ домой, по обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ приходомъ Московскаго полка, я нашелъ Рылѣева тамъ. Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе; но съ тѣхъ поръ я уже его не видалъ. Много перечувствовалось въ этотъ знаменательный день; многое осталось запечатлѣннымъ въ сердечной памяти чертами неизгладимыми. Я и многіе изъявляли мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день Обществомъ, но необходимость близкая, неотвратимая, заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось Общество въ продолженіи столькихъ лѣтъ.

Не стану говорить о возможности успѣха: едва ли кто̃ изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ! Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то̀, что̀ называется счастливой звѣздой; но, при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ Обществу исполнить данное слово — обязанъ исполнить свое назначеніе, и съ этими чувствами, этими убѣжденіями въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды. Дѣйствія каждаго извѣстны.

15 декабря я былъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго, томительнаго дня, наконецъ я остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. И Рылѣевъ былъ тамъ же; но я этаго не зналъ. Моя комната была отдалена отъ всѣхъ прочихъ номеровъ; её называли офицерскою. Особый часовый стоялъ на стражѣ у моихъ дверей. Нѣмая прислуга, нѣмые приставники: всё покрывалось мракомъ неизвѣстности. Но изъ вопросовъ Коммиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что и Рылѣевъ раздѣляетъ общую участь. Первая вѣсть мною отъ него получена была 21 января; при чтеніи этихъ немногихъ строкъ радость моя была неизъяснима. Теплая

душа Рылѣева не переставала любить горячо, искренно; много отрады было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ отвѣчать ему; я не имѣлъ искуства уберечь перо, чернилы, бумагу; послѣдняя всегда была номерована; перо, чернилица — въ одномъ экземплярѣ; ни посудки для чернилъ, ни мѣста, куда бы спрятать: всё такъ было открыто въ моей комнатѣ, что я не находилъ возможности спрятать что-нибудь.

Что скажу я о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнётомъ вспоминаній еще свѣжихъ, страстей, еще не утихшихъ, вопросовъ Коммиссіи, непрестанно-возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу, страха — однимъ лишнимъ словомъ въ отвѣтѣ не прибавить лишняго горя тому, до кого коснется это слово; всё это было въ первый періодъ заключенія. Постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ Коммиссію прекратился, тишина водворялась постепеино въ душѣ; новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ её въ самыхъ темныхъ ея изгибахъ, гдѣ хранится тотъ итогъ жизни мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составился со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ и какъ достойно восхвалю его? Слабый образъ его есть восходящее солнце,

которое, восходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растѣнія нѣжныя постепенно привыкаютъ къ его живительной теплотѣ, и открываютъ его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхая въ себя его живительную силу. Такъ и свѣтъ евангельской истины освѣтилъ сначала тѣ черты жизни и характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самопознанія. Постепенно проникая далѣе, свѣтъ евангельскій, лучами теплыми любви вѣчной, полной, совершенной, озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ всё то̀, что̀ въ самосознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, раскрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями. Открылась весна, наступило начало лѣта — и намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ.

Однажды добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа, и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часоваго. Онъ уходитъ — я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ:
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ криле ми голубине? —
Да полечу и почію.
Весь міръ, какъ смрадная могила:
Душа отъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души:
Пошли друзьямъ моимъ спасенье
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое коснется ея, тотъ пойметъ и то́, что́ я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева! То что мыслилъ, чувствовалъ Рылѣевъ — сдѣлалось моимъ: его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполнѣ отразился въ моей душѣ! Къ кому же могъ я обратится съ новою моею

скорбію, какъ не къ Тому, къ которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайные послы моей души? Я молился — и кто можетъ изъяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ, приблизившимся къ цвѣту. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не впивается и лучемъ, которымъ оно было вызвано? Но если оно впивается лучемъ, то имъ же возносится къ тому Источнику, отъ коего получило начала! Такъ уподобляя видимое невидимому — сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываетъ молитву, какъ благоуханіе, возносимое Тому, отъ кого получило начало: Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой, оберточной бумаги. Я наказывалъ долго, въ возможно-сжатой рѣчи, всё то̀, что̀ просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и потрудившись около двухъ дней, успокоился душей и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не знамедлилъ. Вотъ онъ:

„Любезный другъ! Какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! — Сей даръ чрезъ тебя, какъ

чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ Самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О! какая была эта молитва, какія были эти слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ за весь міръ! Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое оно или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества."

Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ; но она была неполная, до полученія слѣдующихъ строфъ, писанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О, милый другъ! какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Спасителю, сей Истинѣ Верховной,
Всецѣло подчинить должны
Отъ полноты своей души
И міръ вещественный и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей;

Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И, благовѣствуя, речетъ о ней
Сама намъ истина святая!
Блаженъ, кого Отецъ нашъ изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ!
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ! —
Блаженъ, кто вѣдаетъ, что Богъ единъ —
И міръ, и истина, и благо наше!
Блаженъ, чей духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ христовой чашѣ!

Прямый мудрецъ: онъ жребій свой вознесъ;
Онъ предпочелъ небесное земному;
И, какъ Петра, ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому!

Душею чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ
Узритъ онъ край обѣтованный.

Это была послѣдняя пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовые листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты.

Между тѣмъ Верховный Судъ оканчивалъ порученное ему дѣло. Насъ приводили, показывали подписанныя нами показанія. Я не зналъ, для чего меня спрашиваютъ; не зналъ, что вмѣсто слѣдствія Верховный Судъ уже окончательно рѣшилъ нашу участь; видѣлъ мои показанія; отвѣчалъ, что признаю ихъ за свои. Скоро насталъ

день 9 іюля. Насъ собрали въ залы комендантскаго дома. Радость была велика при встрѣчѣ съ друзьями, съ коими такъ давно мы жили въ разлукѣ. Напрасно однакожъ я искалъ Рылѣева и прочихъ четверыхъ. Спутно я понималъ что они избраны изъ среды насъ для чего то высшаго, нежели что предстояло намъ. Вошли мы въ залу. Знакомыя и незнакомыя лица сидѣли въ парадныхъ мундирахъ и безмолвно смотрѣли на назъ. Оберъ-прокураторъ громко прочелъ сентенціи каждаго изъ насъ. Я выслушалъ свой приговоръ какъ то равнодушно. Въ эти минуты нѣтъ времени на размышленіе; и будущность, намъ предстоявшая, коснувшись слуха, не представляла никакаго яснаго понятія о ея истинномъ значеніи. Мы вышли и насъ повели обратно не въ прежній Алексѣевскій равелинъ. Мнѣ назначили пребываніе въ Кронверкской куртинѣ. Въ длинномъ и широкомъ корридорѣ указали мнѣ на дверь. Я взошелъ въ маленькую комнату, досчатой перегородкой отдѣленную отъ сосѣдняго нумера. Я удивился близкому сосѣдству, отъ котораго отвыкъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Вечеромъ на другій день приходитъ нашъ постоянный собесѣдникъ, постоянной утѣшитель, который съ первыхъ дней заключенія свято исполнялъ свой

долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, какъ единственный другъ заключенниxъ, Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора. Онъ зашелъ къ каждому, чтобы по возможности приготовить къ предстоящему исполненію приговора. Зпая его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность, какъ священника, я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ, отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію.

Наконецъ передъ уходомъ я рѣшился спросить: что же будетъ съ ними? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ отвѣчалъ всегда загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: конфирмація-декорація. Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ. И онъ былъ въ этомъ убѣжденъ; и онъ надѣялся. Надежды не сбылись.

Вотъ послѣднее, предсмертное письмо Рылѣева къ его женѣ: „Богъ и государь рѣшили участь мою. Я долженъ умереть, и умереть смертію позорною. Письмо это, мой милый, мой безцѣнный другъ, отдастъ тебѣ духовный отецъ мой, протоіерей Петръ Николаеяичъ Мысловскій. Онъ обѣщалъ мнѣ молиться о душѣ моей. Отдай

ему одну изъ золотыхъ табакерокъ, въ знакъ признательности, или лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его можетъ одинъ Богъ за тѣ благодѣянія, которыя онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Не оставайся здѣсь долго; старайся кончить скорѣе дѣла свои; отправляйся къ почтеннѣйшей матушкѣ и прости её, чтобы она простила меня; равно всѣхъ проси о томъ же, К. И. и дѣтямъ ея кланяйся низко и скажи имъ, чтобы онѣ не роптали не меня за М. Б.; не я его вовлекъ къ общую бѣду; онъ самъ это засвидѣтельствуетъ.

„Я хотѣлъ просить свиданія съ тобою, по раздумалъ, боясь, чтобы не разстроить себя. Молю Бога за тебя, за Настиньку и за бѣдную сестру, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ ко мнѣ священникъ, мой другъ и благодѣтель, и причаститъ меня. Настиньку благословляю мысленно Нерукотвореннымъ Образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о ея воспитаніи; я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее твои христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни; а когда будетъ имѣть мужа, то осчаст-

ливитъ его, какъ ты, мой милый, мой добрый, неоцѣненной другъ, осчастивила меня въ продолженіи восьми лѣтъ. Могу ли я, мой другъ, благодарить тебя словами? Онѣ не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя вознаградитъ за всё! Почтеннѣйшей П. В. душевная, искренняя и усерднѣйшая моя благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его святая воля!

Твой искренній другъ

Кондратій Рылѣевъ."

Настала полночь. Священникъ съ Святыми Дарами вышелъ отъ Кондратія Ѳедоровича, вышелъ и отъ Сергѣя Ивановича Муравьевъ-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго и отъ Михаила Бестужева-Рюмина. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля.

Я не зналъ; намъ велѣно было одѣваться; я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени, — слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ корридора; цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго, Кондратія Ѳедоровича Рылѣева: простите, простите, братья! и мѣрные шаги удалились къ концу корридора. Я бросился къ окош-

ку; начинало свѣтать; вижу взводъ Павловскихъ гренадеровъ и знакомаго мнѣ поручика Пильмана; вижу всѣхъ пятерыхъ, окруженныхъ гренадерами съ примкнутыми штыками. Знакъ поданъ и они удалились. И намъ сказано было выходить. И насъ повели тѣже гренадеры, и мы пришли на эспланаду передъ крѣпостію. Всѣ гвардейскіе полки въ строю. Въ дали я видѣлъ пять висѣлицъ; видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближающихся къ роковому мѣсту. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „конфирмація-декорація“; еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили: переломили шпаги, скинули мундиры и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ повели обратно въ туже крѣпость. Я опять занялъ тотъ же нумеръ въ Кронверкской куртинѣ.

Избранныя жертву были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ Кондратію Ѳедоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Рылѣевъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: „слышишь, отецъ? оно не бьется сильнѣе прежняго.“ Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни — и казнь совершилась . . .

Такъ пали пять жертвъ, избранныхъ среди

насъ, какъ жертвы искупительныя за грѣхъ общій; какъ готовые спѣлые грозды они упали на землю. Но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный, который нашелъ ихъ достойными небесныхъ своихъ обителей. Они отошли въ вѣчность, предочищенные отъ всего земнаго въ горнилѣ скорбей, и внутреннихъ и внѣшнихъ, и принявъ смерть, приняли вмѣстѣ съ нею и вѣнецъ мученическій, который не отымется отъ нихъ во вѣки. Слава Господу Богу! . . .

Князь Е. Оболенскій.

III.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ Н. И. Г—ЧА.“

Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ, соучастникъ Пестеля, но самая рѣзкая ему противуположность . . . Небогатый дворянимъ, онъ воспитывался къ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, выказывалъ съ дѣтства большую любознательность, учился хорошо чему учили въ корпусѣ, велъ себя порядочно, но былъ непокоренъ и дерзокъ съ начальниками, и съ намѣреніемъ подтвергался наказаніямъ: его сѣкли нещадно; онъ старался выдерживать характеръ, не произносилъ ни жалобъ, ни малѣйшаго стона, и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру. Онъ былъ выпущенъ въ артиллерію, потомъ вышелъ въ отставку и былъ выбранъ дворянствомъ въ засѣдатели Петербургской Уголовной Палаты. Здѣсь онъ служилъ усердно и честно; всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей. Въ то же время былъ онъ

правителемъ дѣлъ Правленія Россійской Американской Компаніи. Какъ я слышалъ отъ тогдашняго директора компаніи И. В. Прокофьева, онъ въ началѣ своего служенія трудился ревностно и съ большею пользою, но потомъ охладѣлъ къ службѣ и валилъ черезъ пень колоду... На образъ мыслей кадета-Рылѣева имѣла сильное вліяніе „Сокращенная Библіотека*), составляемая для чтенія кадетъ учителемъ корпуса Желѣзниковымъ, который помѣщалъ въ ней цѣликомъ разные республиканскіе разсказы, описанія, рѣчи — изъ тогдашнихъ журналовъ... Рылѣевъ, котораго мы обыкновенно называли Цвибелемъ, былъ не формальный революціонеръ, а фанатикъ... Фанатизмъ силенъ и заразителенъ, и потому не удивительно, что мало-образованный Рылѣевъ успѣлъ увлечь за собою людей, которые были несравненно выше его не только по образованію, но даже и по уму, напримѣръ — Александра Бестужева. Однаждю шли они вдвоемъ изъ засѣданія Общества соревнователей просвященія и благотворенія, и толковали какимъ образомъ можетъ быть направлено это общество къ

*) Сокращенная Библіотека въ пользу господамъ воспитаннникамъ перваго кадетскаго корпуса. 3 части. Спб. 1800—1804.

какой-либо высшей, практической цѣли. Тогда Рылѣевъ открылъ Бестужеву о замыслахъ нѣкоторыхъ, какъ онъ говорилъ, благородныхъ людей, имѣющихъ цѣлью преобразованіе Россіи, и взялъ съ него слово приступить къ этому союзу. Съ Николаемъ Тургеневымъ Рылѣевъ познакомился у меня 4 октября 1822 года, на праздновaніи десятилѣтія „Сына Отечества". Меня и многихъ изумило, что надутый аристократъ и гёттингенскій буршъ долго бесѣдовалъ съ плебеемъ и кадетомъ, который даже не говорилъ по французски. Могли ли мы воображать о чемъ они толкуютъ и чѣмъ покончитъ бѣдный Цвибель! Рылѣевъ сдѣлался двигателемъ и душею Тайнаго Общества, набиралъ членовъ, внушалъ имъ свои революціонныя идеи, писалъ сатирическія и возмутительныя стихи... Онъ 12-го декабря, на бывшемъ у него въ квартирѣ собраніи заговорщиковъ, вынудилъ у нихъ согласіе взбунтовать войскà и народъ 14-го числа, и потомъ, при слѣдствіи, самъ объявилъ, что былъ главнымъ двигателемъ, и если бы хотѣлъ, то могъ бы все остановить. 14-го декабря Рылѣевъ самъ не сражался на площади, но разъѣзжалъ повсюду, поощрялъ своихъ товарищей, призывалъ народъ къ возстанію... По окончаніи сраженія, Рылѣевъ

скитался не знаю гдѣ, по къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ на площади, между прочими — баронъ Штейнгель. Они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣль темное предчувствіе, пришелъ къ нему часовъ въ восемь, и нашелъ всю компанію преспокойно сидящею за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, отвелъ его въ переднюю и сказалъ: „Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ступай домой! Я погибъ! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка!“ Поцаловалъ его и выпроводилъ изъ дому. Онъ не только не истрашался смерти, но даже встрѣчалъ ее съ гордою радостью . . . Онъ былъ изъ числа тѣхъ трехъ несчастныхъ, которые сорвались съ петли и были повѣшены вторично. Говорятъ, онъ сказалъ притомъ: „И въ этомъ неудача!“

IV.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ М. А. Б—ВА.

Когда я, уже переведенный въ Московскій полкъ, жилъ по болѣзни у него (А. Бестужева) и Рылѣева на квартирѣ, вся наша дѣятельность была посвящена священной обязанности Тайнаго Общества: свиданія и толки были только съ членами; большая или меньшая довѣревность и сближеніе зависѣло отъ бо̀льшей или меньшей дѣятельности и участія члена. Часто собирались и литераторы, читались разныя литературныя произведенія, были споры, сужденія, особенно въ эпоху перваго изданія „Полярной Звѣзды"; но въ этихъ столкновеніяхъ трудно было замѣтить пріязнь или дружбу одного къ другому. Знакомство его (А. Бестужева) съ домомъ Савицкихъ и фонъ-Де́зина, равно какъ и сердечное участіе въ этихъ знакомствахъ ва̀мъ, вѣроятно, уже извѣстны. Вѣроятно извѣстно также и то, что фонъ-Дезинъ, отказавшись отъ дуэли съ братомъ Александромъ, былъ прибитъ Рылѣ-

евымъ на улицѣ хлыстомъ, и что это обстоятельство чуть не имѣло гибельныхъ результатовъ впослѣдствіи для всѣхъ нашихъ товарищей, служившихъ на Кавказѣ, и что братъ Петръ всетаки поплатился сумасшествіемъ.

„Полярная Звѣзда" на 1826 годъ предполагалась съ начала года 1825 быть изданною въ видѣ, составкѣ и объемѣ предидущихъ годовъ. Когда же впослѣдствіи и въ особенности около декабря дѣла Тайнаго Общества усилились сношеніемъ съ Южнымъ Обществомъ; когда остающееся отъ служебныхъ обязанностей время было посвящено болѣе священной дѣятельности — братъ Александръ и Рылѣевъ рѣшились издать уже собранные матеріалы въ небольшомъ альманахѣ подъ названіемъ: „Звѣздочка", котораго печатаніе къ 14 декабрю уже довольно подвинулось.

Въ дуэли Рылѣева съ женихомъ сестры его братъ Александръ былъ секундантомъ. Дуэль была ожесточенная, на близкой дистанціи. Пуля Рылѣева ударила въ стволъ пистолета его противника и отклонила выстрѣлъ, направленный прямо въ лобъ Рылѣева, въ пятку ноги.

V.

КАЗНЬ 14 ІЮЛЯ 1825 ГОДА.

(Со словъ присутствовавшаго по службѣ при казни.)

1825 года іюля 14 или 15 числа по опредѣленію Верховнаго Суда назначена была казнь для пятерыхъ преступниковъ, а для прочихъ 120 приговоръ по степени преступленія. Устройство эшафота производилось заблаговременно въ С. Петербургской городской тюрьмѣ подъ вѣдѣніемъ архитектора Гернея и полиціймейстера полковника Посникова. Наканунѣ этого роковаго дня санктпетербургскій военный генералъ - губернаторъ Кутузовъ производилъ опытъ надъ эшафотомъ въ тюрьмѣ, который состоялъ въ томъ: что бросали мѣшки съ пескомъ въ восемь пудовъ, на тѣхъ самыхъ веревкахъ, на которыхъ должны были быть повѣшены преступники; однѣ веревки были тоньше, другія толще. Генералъ-губернаторъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, удостовѣрясь лично въ крѣпости веревокъ, опредѣлилъ

употребить веревки тоньше, чтобы петли скорѣй затянулись. Конча этотъ опытъ, приказалъ полиціймейстру Посникову, разобравши по частямъ эшафотъ, отправить въ разное время отъ 11 до 12 часовъ ночи на мѣсто казни въ Кронверкъ близь Петропавловской крѣпости. Эшафотъ былъ отправленъ на шести возахъ и неизвѣстно по какой причинѣ, вмѣсто шести возовъ, прибыли къ мѣсту назначенія: только пять возовъ, шестой главный, гдѣ находилась перекладина съ желѣзными кольцами пропалъ; потому въ туже минуту должны были дѣлать другой брусъ и кольца, что заняло время около 3 часовъ, и вмѣсто двухъ часовъ, казнь совершилась въ 5 часовъ утра.

Въ 12 часовъ ночи генералъ-губернаторъ и шефъ жандармовъ со своими штабами и прочія власти прибыли въ Петропавловскую крѣпость, куда прибыли и солдаты Павловскаго гвардейскаго полка, и сдѣлано было на площади противъ монетнаго двора карэ изъ солдатъ, куда велѣно было вывести изъ казематовъ, гдѣ содержались преступниками, всѣхъ 120 осужденныхъ, кромѣ пяти приговоренныхъ къ смерти. Изъ этого карэ вызывали по именамъ и фамиліямъ, по разрядамъ преступленій, и отправляли тотчасъ на гласисъ, гдѣ ставили каждаго преступника про-

тивъ отряда солдатъ, къ которому онъ принадлежалъ по оружію, тоесть — кавалеристовъ противъ кавалеріи, пѣхотныхъ противъ пѣхоты, снимали съ нихъ мундиры, тутъ же жгли на кострахъ, и сломавъ на головѣ шпаги, которыя впрочемъ были подпилены, надѣвали на нихъ простые сѣрые кафтаны. По окончаніи всего опять по одиночкѣ преступники были отведены въ казематы въ крѣпость, откуда они были посылаемы въ Шлисенбургъ по ночамъ въ продолженіе мѣсяца или около того, по два и по три за одинъ разъ, такъ чтобы они въ дорогѣ не видались. 120 этихъ преступниковъ были введены въ карэ, а пять осужденныхъ къ смерти въ тоже время ночью были отправлены изъ крѣпости подъ конвоемъ Павловскихъ солдатъ, при полипіймейстерѣ Чихачевѣ, въ Кронверкъ, на мѣсто казни. Эшафотъ уже строился въ кругу солдатъ. Преступники шли въ оковахъ: Каховскій шелъ впереди одинъ, за нимъ Бестужевъ подъ руку съ Муравьевымъ, потомъ Пестель съ Рылѣевымъ подъ руку же и говорили между собою по французки, но разговора нельзя было слышать. Проходя мимо строющагося эшафота, въ близкомъ разстояніи, хоть было еще темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафотъ, сказалъ: „C'est trop!“ Тутъ же ихъ

посадили на траву въ близкомъ разстояніи, гдѣ они оставались самое короткое время. Такъ какъ эшафотъ не могъ быть готовъ скоро, то ихъ развели въ Кронверкѣ по разнымъ комнатамъ, и когда эшафотъ былъ готовъ, то они опять выведены были изъ комнатъ при сопутствіи священника. Полиціймейстеръ Чихачевъ прочиталъ сентенцію Верховнаго Суда, которая оканцѣвалась словами: „за такія злодѣянія повѣсить!“ Тогда Рылѣевъ, обратясь къ товарищамъ, сказалъ, сохраняя все присутствіе духа: „Господа, надо отдать послѣдній долгъ!“ и съ этимъ они пали всѣ на колѣни глядя на небо, крестились. Рылѣевъ одинъ говорилъ — желалъ благоденствія Россіи . . . Потомъ вставши, каждый изъ нихъ прощался со священникомъ, цалуя крестъ и руку его; при томъ Рылѣевъ твердымъ голосомъ сказалъ священнику: „батюшка, помолитесь за наши грѣшныя души; не забудьте моей жены и благословите мою дочь!“ перекрестясь — взошелъ на эшафотъ, за нимъ послѣдовали прочіе, кромѣ Каховскаго, который упалъ на грудь священника, плакалъ и обнялъ его такъ сильно, что его съ трудомъ отняли. Они размѣщены были такъ:

1. ПЕСТЕЛЬ (съ правой стороны),
2. РЫЛѢЕВЪ,

3. МУРАВЬЕВЪ,
4. БЕСТУЖЕВЪ,
5. КАХОВСКІЙ.

При казни было два палача, которые надѣвали петлю сперва, а потомъ бѣлый колпакъ. На груди у нихъ была черная кожа, на которой было написано мѣломъ имя преступника; они были въ бѣлыхъ халатахъ, а на ногахъ были тяжелыя цѣпи. Когда все было готово, съ пожатіемъ пружины въ эшафотѣ, помостъ, на которомъ они стояли на скамейкахъ, упалъ и въ то же мгновеніе трое сорвались: Рылѣевъ, Пестель и Каховскій и упали внизъ. У Рылѣева колпакъ упалъ и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ, вѣроятно отъ ушиба. Онъ сидѣлъ скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Я къ нему подошелъ, онъ сказалъ: „какое несчастіе!“ Генералъ-губернаторъ, видя съ гласису, что трое упали, прислалъ адъютанта Башуцкаго, чтобы взяли другія веревки и повѣсили ихъ, что и было немедленно исполнено. Я былъ такъ занятъ Рылѣевымъ, что не обратилъ вниманія на остальныхъ оборвавшихся съ висѣлицы и не слыхалъ — говорили ли они что нибудь. Когда доска была опять поднята, то ве-

ревка Пестеля такъ была длинна, что онъ носками доставалъ до помосту, что должно было было продлить его мученіе, и замѣтно было нѣкоторое время, что онъ еще живъ. Въ такомъ положеніи они оставались полъ часа; докторъ, бывшій тутъ, объявилъ что преступники умерли. Тогда веревки обрѣзали и отнесли ихъ тутъ же на одну телѣгу и полиціймейстеръ Дершау отвезъ ихъ въ сарай Кронверка. Когда съ нихъ снимали петли, то слышаенъ былъ звукъ въ родѣ храпѣнія, вѣроятно отъ спертаго воздуха. Гдѣ они похоронены — неизвѣстно. Говорятъ, что тѣла съ гирями спустили въ морѣ на островѣ Голодай.*) Зрѣлище это на близко-присутствующихъ имѣло сильное вліяніе: архитекторъ Герней умеръ черезъ мѣсяцъ отъ горячки, полиціймейстеръ Посниковъ страдалъ отъ болѣзни болѣе года и умеръ; онъ всегда говорилъ, что это было причину его болѣзни. Окончивъ разсказъ, онъ заплакалъ, и сказалъ: „много времени прошло съ тѣхъ поръ, но ни разу не могу вспомнить безъ слезъ объ этихъ несчастныхъ.“

---

*) Другіе говорятъ, что преступники были зарыты на островѣ Голодай.

АННА ФЕДОРОВНА РЫЛѢЕВА.

(Изъ записокъ Декабриста.)

1858 года, 3 Декабря, въ Середу въ 8 часовъ вечера, скончалась Анна Федоровна Рылѣева, сестра покойнаго Кондратія Федоровича Рылѣева, на Петербургской сторонѣ на большой Никольской улицѣ въ домѣ священника Одоевскаго, въ квартирѣ дворника. Послѣ казни брата она должна была перемѣнить свою фамилію Рылѣевой на фамилію „Крыловой," для того чтобы давать уроки во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и на фортэпьяно и тѣмъ имѣла существованіе свое; но сдѣлавшись больною, она впала въ нищету, и помощь къ ней пришла въ то время, когда хроническая болѣзнь рака и водяная развились до того, что она не могла уже вставать съ постели . .

. . . .

Я въ первый разъ посѣтилъ Анну Федоровну Рылѣеву за недолго до ея смерти, къ которой она съ большимъ равнодушіемъ готовилась. Она стра-

дала, но могла еще говорить очень покойно. Комната у нея была у дворника въ избѣ, отдѣлявшаяся перегородкой безъ двери. Забухшая сырая дверь избы, стукомъ своимъ причиняла ей особенное невыносимое страданіе, послѣ котораго она стонала. Я ей напомнилъ о себѣ. Она очень хорошо вспомнила меня. Пѣнялъ ей, что она могла бы уже четыре года называться не Крыловой, а своею фамиліею, называться сестрою повѣшеннаго Кондратія Рылѣева, имя котораго всѣми благородно-мыслящими людьми всегда произносилось съ большимъ чувствомъ благоговѣнія. Могла бы встрѣтить помощь четыре года тому назадъ, какъ сестра Рылѣева, закрывшаяся фамиліей Крыловой . . . На краю могилы восторженныя чувства ея къ брату сохранились, она цитировала стихи его изъ Наливайки; когда она вспомнила, что по милости гнилой веревки братъ ея долженъ былъ два раза умирать — она зарыдала!! Я былъ до того разстроенъ, что чуть было съ ней самъ не зарыдалъ. Слезы такъ и текли у меня. Больше оставаться не былъ въ состояніи. Благодаря Бога мы оставались тогда только вдвоемъ. Какая-то родственница Федосья Ивановна Малютина вышла сварить саго Рылѣевой.

Изъ Никольской до большаго проспекта, до квартиры Малютиной цѣлая верста...

На другой день моего посѣщенія, пособіе порученное мнѣ... было возвращено г-жею Малютиной по приказанію Александра Михайловича Рылѣева, и больная какъ видно боялась со мной говорить. Черезъ три дня ея не стало. На похоронахъ ея я не былъ, хотя и оставленъ былъ мною адресъ у г-жи Малютиной, отозвавшейся мнѣ, что флиг.-адъютантъ Алек. Мих. Рылѣевъ не хотѣлъ давать знать знакомымъ, чтобы на похоронахъ было меньше народа и меньше огласки, что хоронятъ сестру повѣшеннаго Рылѣева.

ПИСЬМА К. РЫЛѢЕВА КЪ А. ПУШКИНУ*).

I.

Рылѣевъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ съ Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русскія сердца. Я пишу къ тебѣ ты, потому что холодное вы не ложится подъ церо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ и по мыслямъ. Пущинъ позна-

*) Списаны съ копіи, находящейся у С. Д. П. и сдѣланной симъ послѣднимъ съ самаго оригинала. С. Д. П. нѣсколько разъ просилъ у Пушкина этихъ писемъ для того, чтобы списать ихъ. Пушкинъ все отказывался, обѣщаясь подарить ему самыя письма. Разъ за игрою П. ставилъ 1,000 р. асс. и предлагалъ Пушкину противъ этой суммы поставить письма Рылѣева. Въ первую минуту Пушкинъ было согласился, но тотчасъ же опомнился, кликнувъ: „Какая гадость! проиграть письма Рылѣева въ банкъ! Я подарю вамъ ихъ!“ Но Пушкинъ все откладывалъ исполненіе своего обѣщанія, такъ что П. рѣшился какъ-то перехватить ихъ у него и списалъ. Послѣ этого Пушкинъ все еще не отступался отъ намѣренія подарить ихъ ему, но, какъ говоритъ П., вѣроятно все забывалъ.

комитъ насъ короче. Прощай, будь здоровъ и не лѣпись: ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы; настоящій край вдохновенія — и неужели Пушкинъ оставить эту землю безъ поэмы.

(Написано на летучемъ листѣ).

II.

Благодарю тебя, милый поэтъ, за отрывокъ изъ Цыганъ и за письмо: первый прелестенъ, второе мило. Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни Онѣгина. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. Но Онѣгинъ, сужу по первой пѣсни, ниже и Бахчисарайскаго Фонтана и Кавказскаго Плѣнника. Не совсѣмъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ. Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворной слогъ нашъ — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его

на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны растлили многихъ и много зла надѣлали. За чѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ. Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по несчастію. Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго. Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе на все выскажешь. Сей часъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ Цыганъ: всѣ шумятъ объ ней и всѣ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Прощай чародѣй.

Рылѣевъ.

12 Января.

Приписка А. Бестужева. Письмо твое сердечно получилъ — но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ номеромъ журнала и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы — до свиданія на письмѣ, прощай мой поэтъ, будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастія и славы.

Твой Александръ.

(На пакетѣ рукою Рылѣева написанъ адресъ: "Его благородію милостивому государю Александру Сергѣевичу Пушкину.")

III.

Извини милый Пущинъ (sic) что долго не отвѣчалъ тебѣ; разныя непріятныя обстоятельства, то свои, то чужіе, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ; но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца неумѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на

одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ. Мы опять собираемся съ Полярною. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайней мѣрѣ мы рѣшились. Желаемъ распроститься съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ тебѣ, Богъ вѣсть, какіе слухи: успокой друзей твоихъ хотя нѣсколькими строчками.

Прощай, будь здоровъ и благоденствуй.

Твой Рылѣевъ.

На дняхъ будетъ напечатана въ Сынѣ Отечества моя статья о поэзіи; желаю узнать объ ней твои мысли.

(На конвертѣ: „Поэту Пушкину.")

IV.

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно: особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филлипики за

нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова. Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лентяя, какъ я, лучше написать что нибудь новое. О думахъ я уже сказалъ тебѣ свое мнѣніе. Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе и покровительство принимаешь за одно и тоже. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое одобреніе. Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса любовь, Петрарка также; иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить, но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія; пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей камергерскихъ: тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно безъ пропитанія; онъ тогда будетъ

обезпеченъ. Геній же не много и требуетъ въ жизни. Тогда потерпять быть можетъ только одни самозванцы геніи.

Прощай геній.

Твой Рылѣевъ.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. Войнаровскаго вышлю съ слѣдующею почтою.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь ради Бога Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ.

V.

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать: его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ быть онъ напишетъ тебѣ оттуда. Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя: правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ. Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Онѣ прелестны; особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ ужасенъ! Стихи —

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ —

превосходны. Послѣ прочитаны были твои Цыгане. Можешь себѣ представить, что сдѣлалось

съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхелбекеръ. Какъ любитъ тебя! Какъ онъ молодъ и свѣжъ! — Цыганъ слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязатьзя къ чему нибудь и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. За чѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань. Не лучше-либъ было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; за тѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: рекъ. Кажется, оно несвойственно поэму; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я придумалъ. Ахъ, если бы ты ко мнѣ былъ также строгъ, какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай обни...

А ты обними Дельвига.

Не пишешь ни слова о Полярной Звѣздѣ.

Ни Наливайко? Прощай — Милая сирена.

Твой Рылѣевъ.

(Край бумаги былъ оторванъ въ оригиналѣ. На конвертѣ: „Александру Сергѣевичу Пушкину.“

VI.

Не знаю, что будетъ Онѣгинъ далѣе: быть можетъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже Бахчисарайскаго фонтана и Кавказскаго плѣнника. Я готовъ спорить объ этомъ до втораго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя муза. Майкова Елисей прекрасенъ; но былъ ли бы онъ такимъ у Державина — не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. Державина Маріамна ни куда не годится. Слѣдуетъ-ли изъ того, что онъ ниже Озерова?

Несогласенъ и на то, что Онѣгинъ выше Бахчисарайскаго фонтана и Кавказскаго плѣнника, какъ твореніе искуства. Сдѣлай милость не оправдывай софизмовъ Воейковыхъ: имъ только дозволительно ставить искуство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь и взводишь богъ знаетъ что́.

Думаю что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешся, что онъ нѣсколько ощипанъ. Дѣлать

нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы, не смотря на то я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. Но за то убѣжденъ душевно, что Ермакъ, Матвѣевъ, Волынской, Годуновъ и имъ подобное, хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. Полярная Звѣзда выйдетъ на будущей недѣлѣ. Кажется она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро ли ты начнешь печатать Цыганъ?

Рылѣевъ.

Марта 10 дня.

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ — вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты навсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

VII.

Спѣшимъ доставить тебѣ Звѣзду. Увѣрены, что она понравится Пушкину у заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришла по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ; но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ пьэсъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего Парнаса. Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя пьэсы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей Звѣздѣ? Отъ Цыганъ всѣ безъ ума, Разбойникамъ, хотя и давнишнимъ знакомцамъ также чрезвычайно обрадовались. Теперь для Звѣздочки стыдимся и просить у тебя что нибудь; такъ ты надѣлилъ насъ. На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердишься ли за откровенность мою? Это кажется тебѣ не въ пору; ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію, и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего Онѣгина. Не пишешь ли ты еще чего? что твои записки? чѣмъ ты занимаешся въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣреваемся лѣтомъ провѣдать

тебя: будетъ ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта.

Твой Рылѣевъ.

Марта 25 дня 1824.

VIII.

Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайки, а я ею гораздо болѣе доволенъ нежели смертью Чигиринскаго старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди мысли, чувства, истины, словомъ гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайки, хотя на оборотъ въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаюсь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо достойное вѣка нашего, но какъ бы на зло желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обозрѣніе, обѣщалъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Бовля — и вѣрно

все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія краски. Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ, ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій и ты опередишь его: тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Еслибъ ты зналъ какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе.

Прощай чудотворецъ

Рылѣевъ.

Мая 12 дня, 1825.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

КОНЕЦЪ.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.

	М. пф.
Общество пропаганды въ 1849 г. Собраніе секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій (1875)	2 —
Отголоски 14 декабря 1825 г. Изъ записокъ одного недекабриста (1903)	2 —
Памяти братьевъ Бестужевыхъ. Выдержки изъ современныхъ записокъ декабристовъ (1880)	— 75
Письма изъ Россіи (1805—1807) **миссъ Катринъ Уильмотъ.** Переводъ съ англійскаго (1876)	1 —
Политическія понятія русскаго простолюдина въ сказкахъ (1896)	3 —
Присутственный день уголовной палаты. Судебныя сцены изъ записокъ чиновника очевидца (1874) . . .	1 —
Прогрессъ въ Россіи и ея будущее. Старые совѣты для новаго разсмотрѣнія (1904)	2 50
Процессъ пятидесяти сужденныхъ за соціально-революціонную пропаганду въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Москвѣ (1886)	1 50
Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву А. Радищева въ 1790 г. (1876)	3 —
Сибирь и русское правительство. Нѣсколько объяснительныхъ замѣтокъ и документовъ изъ прошедшаго времени (1877)	2 —
Скопческія духовныя пѣсни и нѣчто изъ богослуженія скопцевъ въ Россіи (1879)	1 —
Собраніе запрещенныхъ стиховъ и прозы (1875) . .	2 —
Тайное общество и 14 декабря 1825 г. (1875)	4 —
Тюрьма и ссылка. Образцы изъ жизни политическихъ заключенныхъ въ Россіи (1905)	2 50
Финансовое положеніе Россіи. Взглядъ на государственное хозяйство императора Николая I по 1866 годъ (1881)	1 —

Застольныя рѣчи В. Д. Спасовича 1873—1901 г. (1903)	2 —
Политическіе итоги. Очеркъ варшавскаго публициста. Русская политика въ Польшѣ (1896)	1 —
Польскій вопросъ въ Россіи. Открытое письмо къ русскимъ публицистамъ польскаго дворянина (1896) . .	1 50
Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества. Очеркъ М. Урсина. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого (1896)	1 —

	М. пф.
Русско-польскія отношенія. Очеркъ графа Леливы (1895)	2 50
Н. Г. Чернышевскій. Прологъ пролога. Романъ изъ начала шестидесятыхъ годовъ (1896)	4
Н. Г. Чернышевскій. Что дѣлать? Разсказы о новыхъ людяхъ. Романъ (1898)	
Г. Гейне. Германія. Зимняя сказка. Переводъ Заѣзжаго просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленны по его замѣчаніямъ (1875)	
въ переплет	
В. К. Кюхельбекеръ. Избранныя стихотворенія (1880) .	
въ переплетѣ	2
М. Ю. Лермонтовъ. Демонъ и запрещенныя стихотворенія (1881)	1 50
въ переплетѣ	2 50
Лютня I. Собраніе свободныхъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній (1869)	5 —
въ переплетѣ	6 —
Лютня II. Потаенная литература 19-го столѣтія (1874) .	6 —
въ переплетѣ	7 —
Лютня III. Молодая Россія въ стихахъ (1897)	2 —
въ переплетѣ	3 —
Н. Огаревъ. Юморъ и свободныя стихотворенія (1906) .	1 50
въ переплетѣ	2 50
А. С. Пушкинъ. Собраніе запрещенныхъ стихотвореній (1873)	1 50
въ переплетѣ	2 50
К. Ѳ. Рылѣевъ. Войнаровскій и запрещенныя стихотворенія (1880)	1 50
въ переплетѣ	2 50
К. Ѳ. Рылѣевъ. Думы. Историческія стихотворенія (1871)	1 50
въ переплетѣ	2 50

Подробные каталоги высылаются по желанію.